

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Елена САМОЙЛОВА

КЛЮЧИ НАСЛЕДИЯ

Классическое Альфа-книга

Елена А. Самойлова

Ключи наследия

Текст предоставлен издательством «Альфа-книга»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156048

Е.Самойлова Ключи наследия: Армада, Альфа-книга; Москва; 2007

ISBN 5-93556-856-X

Аннотация

Верный дюраль блестит, кольчуга начищена – ролевики на марше! Идут, значит, в подмосковный лес мир спасать – все молодцы и храбрецы как на подбор!

Но что, если текстолит вдруг становится сталью, лесопарк – полем кровавой битвы, а лучший друг... Впрочем, не будем об этом на ночь глядя. Эльфы, люди, нежить – уже не игра, тут бы в живых остаться! А задачу-то никто не отменял...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	28
Глава 3	62
Глава 4	87
Глава 5	116
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Елена Самойлова

Ключи наследия

Автор выражает благодарность Льву Кругликову, Николаю Чугунову, Светлане Москалевой, а также всем тем, кто помогал в написании этой книги ролевыми байками, «ловлей блох» и моральной поддержкой.

Глава 1

Я флегматично пригнулась, пропуская над головой темно-коричневую стрелу с белым оперением, и та исчезла в кустах за моей спиной. Исписанный с двух сторон лист бумаги отложен в сторону: у меня появились более важные проблемы. Несколько секунд в зарослях стояла тишина, а потом оттуда с шумом выбрался мрачный парень в выдавшей лучшие дни кольчуге, на ходу достал из-под котты и надел на голову черную повязку, не переставая тихо материться себе под нос. Я сделала пометку и убрала листок в расшитую сумку. Нет, ну надо же – уж насколько Зеня криворукий стрелок, а, поди ж ты, – попала, однако! Хотя, подозреваю, что она метила именно в злобного и нехорошего мастера полигона, то есть в меня.

Правда, до сих пор перед глазами стоит момент трениров-

ки, когда наша девушка Зенька притащила на поляну свой свежеприобретенный лук. Н-да, хорошо, что не меч, честное слово. Замечательный такой лук, выкрашенный серебрянкой и с силой натяжения в десять килограммов. В общем, самое оно для игры. Но когда Зенька стала бить по мишени, в роль которой мы торжественно возвели дерево, стоявшее на краю поляны, мы поняли, что на полигоне нам не жить! Нет, по дереву Зеня попала только раз, но КАК летели ее стрелы в целом!! По немыслимой траектории, больше всего подходящей под определение «черт-те как»: иногда зигзагом, из-за чего я заподозрила, что мастер сэкономил на хорошем оперении, но при этом попадая в кого-то из нас!

В итоге, когда Зеня в очередной раз вышла «на позицию», команду «Ложись!» выполнили все как один. Вернее, не совсем так. Наша команда бросилась врассыпную, стараясь оказаться как можно дальше от сего страшного оружия индивидуального пользования, но массового поражения. Только один из мечников рискнул пригнуться – стрела свистнула над его макушкой и, столкнувшись с деревом, отскочила назад. Н-да, не зря на Зенькины стрелы ТАКУЮ гуманизацию наvertsели: знали ведь, кому лук вручают...

Из размышлений меня выдернул очередной переливчатый вопль из леса. Непонятно было, идет там очередной загон гномов или еще что. Плащ, моя тайная гордость, закрывал мне весь обзор, посему я решительно захлопнула сумку и повернулась на шум. К слову, «гордостью» плащ именовал-

ся вполне официально, поскольку нестандартное дизайнерское решение позволяло мне с комфортом шляться по лесу даже в ливень, тогда как остальные товарищи по команде с тихими матерками шныряли под деревьями или отсиживались под навесом.

Увиденное заставило меня сначала обалдело уронить челюсть, а потом я просто сползла по ближайшей ели, рыдая от смеха.

Загоняли не гномов, а эльфов. Причем все это выглядело следующим образом: сначала поляну, на которой я сидела, пересекли эльфы с луками, затравленно оглядываясь через плечо, за ними – ватага гномов с соседней лужайки, размахивая добротными дюралевыми полуторами, а в хвосте пристроилась Ирка с камерой, с комфортом восседающая на ротовом щите, который тащили четыре эльфа из нашего лагеря. Помните, как в мультике про Астерикса и Обеликса галлы таскали своего вождя? Так вот, примерно то же самое я наблюдала сейчас. Впрочем, Ирка с камерой, ухитряясь балансировать на щите в позе лотоса и при этом с восторженным выражением на лице командовать пыхтящими эльфами, с лихвой переплюнула галльского вождя!

Под ее гневные вопли: «Налево, мотор эльфийского производства, да не на то лево, а на другое! Там кусты-ы-ы-ы-ы!!!» – разудалая компания скрылась в орешнике. Если, не дай бог, натолкнутся на кого-нибудь из грибников – напугают последних до икоты. А потом пойдут по Москве слухи о

маньяках с Лосинога Острова...

Не успела я отсмеяться и отклеиться от многострадальной ели, как все повторилось: загоняемые эльфы куда-то свернули, а гномы, громыхая кольчугами, этого не заметили. В общем, как бы сказала Ирка, дежавю имеет нас.

– Ксель, тьфу, то есть мастер, а это правилами не запрещено? – поинтересовалась подошедшая Рийка, наш региональщик, которая шныряла по кустам с моим цифровым фотоаппаратом. – Вроде эльфам таскать Ирку на щите как-то неантуражно, не думаешь?

– А фиг знает, – рассеянно отозвалась я, разглядывая рукав собственноручно расшитой рубашки. Похоже, отстирывать светлый лен от пятен я буду долго. Интересно – каково это раньше было, без «Тайда» и «тети Аси»? – Но ведь весело, согласись.

– Но не по сценарию!

– Пофиг. Сценарий уже всем побоку, разве что в общих чертах нечто есть. Народ тут такой – и без него неплохо играют, – пожалала плечами я.

– Это уж точно. Стеб у них знатно выходит!

– Не то слово – я уже смеяться не могу! – выдохнула я, поднимаясь на ноги. Ох, отпусти меня, чудо-трава. – И вообще, тебе не кажется, что пора уже потихоньку сворачиваться? Вон, уже темнеть начинает...

– Можно, – кивнула Рийка, задумчиво вертя цифровик в руках. – Ксель, тогда пора всех потихоньку направлять в ла-

герь.

– Да знаю я. Сейчас поставим последний бугурт,– и все, сворачиваемся.– Вздохнув, я натянула поглубже капюшон черного плаща и неторопливо пошла по ближайшей тропе к дальней поляне, где у нас обретался темный лагерь. Рийка же со скоростью ужаленной мантикоры унеслась на другой конец полигона – собирать свой лагерь на «последний бой во имя Света».

Опавшие листья, почти скрывая тропу, шуршали под ногами, как бумага. Если бы тут не пробежали в обе стороны раз ...надцать ролевики, то тропу было бы вообще не найти, а так – хоть что-то можно различить. А поляна-то – как подметенная: лихо наши мечники во время поединков листья раскидали. Так, стоп. Поляна вроде та, тропинка – тоже, а весь темный лагерь где? Пройти мимо меня они не могли, даже кустами, а пройти бесшумно по ковру осенних листьев им не удастся. Все-таки они пока не настоящие темные эльфы и даже не нежить. Впрочем, они могли просто свернуться и попрятаться по этим самым зарослям– но от меня-то зачем? Я вроде как в числе мастеров по игре – на меня засады ставить не полагается. Хотя... Может, я их настолько достала своим ехидным подходом к идее мастерить игру? Кому положено – знают: от моих язвительных комментариев и мелких пакостей только по ходу игры тихо вешается одна половина полигона, а другая мечтает сделать то же самое со мной.

М-да, а ведь, кроме бутафорского узорчатого посоха в ру-

ках, никакого оружия у меня нету. Даже моя верная, не раз уже пережившая ремонт в домашних условиях катана осталась у кого-то. Как, к слову, и одноручный меч, который, насколько я помню, «гуляет» на полигоне вместе с одним парнем из светлого лагеря. Ладно, что гуляет, – не страшно, лишь бы вернули... А то оставят мастера без арсенала! Что мне тогда – с одной дубиной расхаживать? Или с презентованным луком? Ведь стреляю я немногим лучше Зеньки, разве что в цель хоть как-то попадаю. А может, я попросту еще не пристрелялась? Ведь в основном-то я на мечах сражаюсь – лук у меня так, по принципу «шоб было»...

И вообще, есть у меня хрустальная мечта – занять-таки себе текстолитовую косу. Точно, тогда буду ходить злобным мастером по полигону в образе тетки Смерти. А что? Черный балахон сшить – пара пустяков, плащ с капюшоном у меня имеется. Грим нанести – полчаса времени. И ходила бы такая «Смерть» по полигону, пугая народ и залетных грибников...

А если серьезно, – куда делся народ из темного лагеря? Покричать им, что ли?

За спиной раздался подозрительный шорох, и я, обернувшись, увидела, как колышутся ветки ближайшего орешника, а в воздухе неспешно кружатся золотистые листья.

– Так, народ, где остальные? У нас стенка на стенку должна быть, а темный лагерь – как испарился! – возмущенно воззвала я. Ветки орешника решили хранить молчание. Впрочем, как и тот, что скрывался за ними.

– А это уже не смешно, – пробормотала я, поправляя капюшон, и уверенной походкой направилась к зарослям.

Орешник молчал.

Я подошла к притихшему кусту и недолго думая отодвинула ветки, за которыми, разумеется, никого не оказалось. Так-так, либо у меня слуховые галлюцинации, что вряд ли, либо начинается паранойя, что тоже маловероятно. И – надо же, именно сейчас застежке плаща приспичило отстегнуться и, издевательски сверкнув серебром, исчезнуть в ворохе палой листвы. Я чертыхнулась и, присев на корточки, принялась разгребать шуршащие листья: жалко будет, если потеряю, – брошь-то и впрямь серебряная, позаимствованная из маманькиной шкатулки под честное слово «не посеять». В принципе, цена застежки не астрономическая, но мамке она дорога как память о безбашенной молодости. Наконец, просто обидно ее так глупо посеять.

Я все еще шарила в листве, когда внезапно потемнело, будто бы осеннее солнце разом закрыло грозовой тучей... Подняв голову, я столкнулась с немигающим взглядом двух огромных глаз. Точнее, это сначала я увидела глаза – а потом круглую забавную мордочку и само странное существо, похожее на плюшевую игрушку.

– Ой... – Я не то чтобы испугалась – просто обалдела донельзя. Впервые видела самого натурального лешего, о котором знала только понаслышке. Да, обращалась часто, но вот чтобы лицезреть... – А я тут брошку потеряла... – тихо

пробормотала я, во все глаза разглядывая странное существо. Маленькое – я, даже сидящая на корточках, была выше его на полголовы, – полностью заросшее шелковистой русской шерстью, а его круглая мордочка напоминала карикатуру на человеческое лицо – только с огромными круглыми глазами, как у совы, и белыми кустистыми бровями. Существо склонило голову набок, и тотчас под моими пальцами очутилось холодное серебро брошки, хотя я была уверена, что это место уже обшаривала не раз.

– Спасибо... – пробормотала я, закрепляя брошью уже начавший сползать плащ. Только когда уже собралась встать, поняла, что леший все еще неподвижно стоит напротив меня, словно ожидая чего-то. В голове мелькнула мысль: надо бы чем-то его отблагодарить, только вот чем?

Идея пришла почти сразу – я стянула с головы узорчатую тесьму, заменявшую мне хайратник и, развязав узел, положила ее на листву. Существо несколько секунд придиричливо рассматривало подаяние, но тут за спиной у меня громко хрустнула ветка, я вздрогнула и обернулась на звук. Всего пара секунд – но, когда я посмотрела туда, где только что находился леший, его уже и след простыл. Исчез вместе с тесьмой...

– Вот уж действительно – леший... – пораженно выдохнула я, поднимаясь на ноги и изумленно глядя на то место, где только что стоял лесной дух. И если бы не отсутствие тесьмы на голове, то я стопудово списала бы произошедшее на ви-

зуальные галлюцинации. Конечно, в моей жизни всякое случается, но вот настоящего лешего я видела впервые...

– Попалась!!! – радостно воскликнули у меня за спиной голосом Ирки, и тотчас меня снесло с места донельзя довольной подругой. Я только придушенно пискнула, пришибленная могучей дланью.– Кселька, ты где прошлялась? Я такую баталию засняла!! Нет, ты представь хохму: на поляне, где мы должны были провести драку стенка на стенку, грибники на перекус остановились!

– Вы их хоть не затоптали? – обреченным голосом поинтересовалась я, уже догадываясь, что именно мне ответят.

– Не, что ты! Гномы их попинали малость и отпустили!

– И-и-и-ир!! – угрожающе протянула я, наступая на подругу.

– Что? – ухмыльнулась та, разводя руками.– На самом деле, я за десять минут честно их предупредила, что сейчас тут будет битва света и тьмы, и лучше бы им сие место покинуть. Но ты же цивиллов знаешь – пока не припрет, не почешутся.

– И что – не ушли? – ахнула я. Все, запугали мирный народ, как пить дать, запугали.

– Ушли... После того, как с матом и грохотом на полянку выкатились наши с двух сторон!

Все, финиш.

Я в красках представила себе следующую душераздирающую сцену: сидят себе грибники на милой полянке, активно хомячат бутерброды, никого не трогают. Тут из ближайших

кустов, горделиво подметая опавшие листья полами длинной черной накидки, выходит девушка солидной комплекции со стоящими ежиком темными волосами. В руках видеокамера, на поясе дюралевый меч. И девушка эта, поправляя очки, ласково так предлагает грибникам покинуть полянку, пока не затоптали.

Правильно, я бы тоже не поверила.

А как у нас проходят бои типа «стенка на стенку» – надо видеть. Я прикинула квадратные глаза грибников, когда с противоположных краев поляны выбегает народ в кольчугах, шлемах и с мечами наперевес и начинается самая что ни на есть натуральная сшибка! А ведь люди-то этой драки всю игру ждали! А с учетом того, что половина полигона со щитами воюют, то грохот должен был до небес стоять. И хорошо, ежели кто из эльфийских снайперов, притаившихся в кустах, не подстрелил вместо оппонента мирного цивила, отдыхающего по соседству. Н-да-а-а, бедные грибники, за что их так...

– Кселька, да ты не волнуйся, ничего с ними не случилось... Но как они сматывались с поляны!! Жалко, что ты не видела.

– Хорошо, что не видела, – страдальчески вздохнула я, потирая лоб. – Ладно, пошли народ собирать, стемнеет скоро, а нам еще два километра через лес пилить.

Ирка тут же отправилась созывать разбредшихся по лесу ролевиков, а я, подобрав свою «мастерскую дубину», от-

чалила в сторону хоззоны. Там в живописном беспорядке были разбросаны наши пожитки, в том числе и комплект сменной, «цивильной», одежды, в которой мы добирались до места. В самом деле, – еще не та степень пофигизма у нас, чтобы ехать через город в ролевых костюмах. Впрочем, Москва – достаточно толерантный в этом отношении мегаполис: сколько раз я спускалась в метро то с незачехленным клинком, то с луком и стрелами – максимум, что вызывало мое игровое снаряжение, – непомерное любопытство. Однако пугать граждан лишний раз не стоит... Правда, как-то раз наши возвращались с полигонов за полночь, и редкие пассажиры метро могли наблюдать такую картину: в вагон со смехом, лязгом и грохотом вваливается народ в кольчугах, со щитами, луками и клинками, при этом все с шумом обсуждают, кого как притопили, что мастера могли бы придумать идею получше, и так далее. Попутчики отреагировали по-разному: кто-то перебрался в другой вагон уже на следующей остановке, кто-то с интересом стал присматриваться, а кто-то набрался смелости спросить, откуда нас таких принесло.

В рюкзаке запиликал мобильник, оживляя осенний лес бодренькой такой мелодией из мюзикла «Призрак оперы». Звонила, традиционно, моя мама. Разговор начался с прозвища, которое стало нарицательным после выхода на просторы Интернета мультов с одноименным названием.

– Мася-а-а-аня!

Я непроизвольно скривилась. М-да, очень много общего между мной и феноменальной девушкой Масяней с тонкими ручками, пятью волосинками на голове и фигуркой воблы в профиль...

– Да, мам, что такое? Я уже выезжаю.

– Ну и хорошо! Как раз к нам Анастасия приезжает!

Чего? Все, спокойной жизни у меня сегодня не будет, ибо Анастасия, мамкина подруга – это нечто! Феноменальнейшая женщина с потрясающим чувством юмора, бесконечным запасом баек... и ведьма. Вернее, еще одна ведьма.

А если выразаться современным научным языком, то она биоэнергетик с повышенной активностью биополя. Сильно повышенной. В данном случае это означает игру с периодическими случайностями, которыми так полна современная жизнь. Электричка или трамвай всегда придут вовремя. Окошко кассы закроется только после вашего ухода, но не до него. Умение читать будущее по картам Таро и прочим предметам гадания. Даже конкретно колдовские штучки: заговоры и прочее, ей это удавалось на раз.

Все бы хорошо, если бы не одно «но» – этого всего я делать не умею...

– Максимилиана, ты меня слышишь? – ввинтился в ухо высокий мамин голос. На том конце провода что-то глухо звякнуло.

– Мам, не раздражайся, я даже отсюда слышу, как у тебя посуда в секретере подпрыгивает. А полка там и так шатает-

ся, папа никак не прибьет ее как следует.

– Короче, постарайся побыстрее, Настя говорит, то хочет с тобой пообщаться.

– Может, не надо... – страдальчески провыла я, надеясь вызвать жалость.– Я с полигона еду, уставшая, замученная.

– Приезжай поскорее, я тебя покормлю!!! – Ой, вот и на тебе... Теперь буду страдальчески взирать на наполненную с верхом тарелку и не знать, куда ее деть... потому что столько мой желудок не вместит в принципе.

Спасла меня вовремя подобравшаяся Ирка, которая, правильно оценив ситуацию, моментально возвысила голос поближе к трубке.

– Кселька, у меня трагедия! Родители на дачу уехали, холодильник дома пустой, а кушать хочется-а-а! Пусти горемычную на постой, век не забуду!

– И Ирочку с собой приводи,– моментально отреагировала мама.– Я ее тоже покормлю, а то бедный ребенок совсем исхудал.

Угу, с учетом того, что этот «бедный ребенок» имеет потрясающее здоровье, румянец во всю щеку и приличную комплекцию «женщины в теле». Не то что я– ростом метр с кепкой, худощавая и внешне хрупкая. Наверное, я бы котировалась в веке эдак в шестнадцатом, когда в моде были вот такие «хрупкие ундины». Правда, седые пряди в пепельно-русых волосах наводят на мысль о неудачном мелировании. Что поделать – волосы у ведьм седеют рано, несмотря

на то, пользуемся ли мы своей силой, или нет. Все мечтаю перекраситься, хотя бы цвет волос сровнять, но как-то руки не доходят.

Я подхватила свой рюкзак и, закинув телефон в кармашек, потопала туда, где уже начали переодеваться девушки с нашей поляны. Главное, чтобы сейчас, после игры, собрать весь розданный арсенал обратно. Нет, не так. Главное – вспомнить, кому я чего давала, а потом уж посмотрю на того, кто рискнет не вернуть. С такими мыслями я и вышла к народу.

Что касается лешего – ну, мало ли какие лесные духи водятся на Лосином Острове. Мы с ними стараемся не связываться, да и ведьм лешие обычно обходят десятой дорогой. Вот уж маманька подивится – она-то с лешими не знает, зато домовые ее слушаются как родную. Может, потому у нас в квартире идеальный порядок, хотя вроде как никто особо не заморачивается на эту тему...

Домой я ввалилась абсолютно никакая. Но стоило только сгрузить пухлый рюкзак в коридоре и бухнуть на пол тяжелый чехол от удочек, в котором я таскала свои клинки, как тут же попала в крепкие материнские объятия.

– Масяня, ты где столько пропадала?? – Ирку, скромно стоящую на пороге с рюкзаком на плечах, который был поболее моего раза эдак в полтора, мама заметила не сразу, а, заметив, ужаснулась: – Деточка, что ж ты столько на себе таскаешь?!

– Ничего, нормально. Это еще что – вот мы на раскопе в Рязани и не такое таскали. За десять километров как-то ходили! Туда-то ничего, а вот обратно – с груженными рюкзаками и пакетами в придачу.

Слышала я эту жуткую историю с рязанского раскопа № 24, кажется. Это-то еще ладно. Но как-то раз Ирка мне рассказала по телефону страшную историю «Про кирпич».

Начиналась она так: Рязань, раскоп № 24. Нечто вроде старинной то ли арки, то ли стены – не суть важно. На самом верху кладки, высотой метров в пять, находился тот самый «кирпич». Сидел он на своем законном месте не пойми каким чудом, потому нещадно шатался, но вниз упорно не падал. Так вот, под этим самым кирпичом ежедневно загорала донельзя вредная тетка, руководитель группы, где и числилась Ирка с доброй половиной исторического факультета. Что только не предпринимали злобные студенты-историки, чтобы этот треклятый кирпич рухнул на голову злобному куратору...

Кидали камнями, пытаясь сбить с «насеста», лазили наверх, надеясь достать до упорно держащейся за свое законное место каменюки, решившей прописаться в стене как минимум навечно, – бесполезно.

Наконец настал день, когда на раскоп № 24 приехала какая-то комиссия. Именно в этот день кирпич решил, что пора свалиться.

К сожалению, под ним не было тетки. Под ним проходила

высокопоставленная комиссия – и раскоп № 24 был закрыт. А тот, кому кирпич не знамо как упал на копчик, еще долго ходил, подражая скрюченному жестоким радикулитом пенсионеру...

Размышления прервались настойчивым зовом мамы с кухни. Ну вот, теперь нас буду подгонять каждые десять-пятнадцать секунд, а то ведь «остынет все».

Понятное дело, что нашу принадлежность к ведьминскому роду мы активно скрывали, за исключением точно такого же, как и мы, народа. Но от таких и скрываться-то особо не приходилось – если рыбак видит рыбака издалека, то ведьма ведьму чует на расстоянии в сто метров, если не больше, и когда притягиваются, то стараются держаться друг от друга подальше. Обычно «светлые» и «темные» друг друга недолюбливают, но в моем случае и это было исключением – ко мне тянулись и те и другие. Моя лучшая школьная подруга, с которой я поддерживаю теплые отношения до сих пор на протяжении тринадцати лет, самая что ни на есть натуральная темная ведьма, но это не мешает нам помогать друг другу по мере сил и возможностей. Поначалу мама думала, это из-за того, что я еще не сделала выбор, но в общем-то все было не так. Выбор я сделала, и уже давно: еще лет в двенадцать я решила, что буду светлой, и с тех пор придерживаюсь именно этой стороны. Да, у темных поблажек больше, но и у светлых свои плюсы есть...

– Кселька, ты что, спишь на ходу? Хорош рефлексиро-

вать!

Я встрепенулась и покосилась на Ирку, которая уже тянула меня в сторону кухни, продолжая травить очередную байку из жизни студентки исторического факультета педагогического вуза.

– Одно слово – дети! – выдала подруга с непередаваемым выражением лица. Да-а-а-а, с таким лицом честного инквизитора только уроки истории по средним векам и вести.– Нет, ты представь: сидит ухмыляющийся 7 «Б», ждет, когда придет студенточка-практикантка, то есть я, чтобы вдоволь надо мной поиздеваться. А тут вхожу я! В берцах, камуфляжных штанах и любимой футболке с логотипом Мельницы. Пинком открываю дверь и с ходу говорю: «А кто станет возмущаться, трепаться на уроке и вообще вести себя не лучшим образом – тому будет плохо». Местный Вовочка нахальненько так улыбнулся и с галерки поинтересовался: «И кто же нам будет делать плохо?» И тут моя очередь: я ухмыляюсь улыбкой Чеширского Кота и говорю в раскрытую дверь: «Ребята, заходите».

Интересно, и кого же она на урок в школе притащить умудрилась? Озадачиться я не успела, потому что Ирка гордо заявила:

– И тут заходят десять латников в полном облачении, с мечами и, прогрохотав доспехами, выстраиваются в ряд у доски!

Я тихо хрюкнула и согнулась пополам от с трудом сдер-

живаемого смеха. А Ирка добила:

– Ну, «дети» поняли, что если меня десять толкиенистов слушаются, как мать родную, то их я вообще на фарш для макарон переработаю.

– Выносите... – тихо пробормотала я, разгибаясь и доходя-таки до кухни.– Похоже, это не единственный случай столь наглядного ведения уроков.

– Ото ж! – довольно заявила подруга.– Ой, спасибо! – Это уже маме, потому что для голодного ролевика котлеты с картошкой – показатель, что жизнь удалась.

– Кстати, а где ты тех рыцарей нашла-то? – поинтересовалась я, берясь за вилку.

– Все там же. Ребята с моей площадки были.

Ну, Иркина площадка – это вообще легенда. Сколько там всего случилось – не перечислить, но всякий раз, когда подруга начинает травить байки, я рыдаю от смеха.

– Кстати, Кселька, я тебе не рассказывала про то, как я однажды урок вела, когда при себе барахло с полигона было?

– Нет.– Я моментально заинтересовалась и на всякий случай подальше отставила чашку с чаем – когда Ирка-баян начинает рассказывать, то рыдают все!

– Ну, дело было так: я еду с полигона и сразу на урок в школу. Прихожу – дети, как всегда, орут... Ну, я сажусь за учительский стол и бросаю на него свой рюкзак. А в рюкзаке у меня наручи, две латные перчатки, кастет и еще какая-то фигня. Детки удивленно притихли, а я недолго думая вытас-

киваю перчатку, которая побольше и потяжелее была, и ка-а-а-ак врежу ей по столу. Ученички затыкаются моментально, а я спокойно веду урок до конца.

– Кошмар...Н-да, тяжела доля препода в средних классах...

– Аминь,– подытожила подруга.– За это надо будет выпить.

– По поводу окончания твоей практики? А когда? Ир, у нас вообще-то на следующих выходных своя ролевка, когда отмечать собралась? На тренировке, что ли?

– А почему бы нет? Не знаю.

Можно подумать, я знаю. У меня своих проблем до лешего...

Ирку удалось выпроводить, а вернее, отпустить домой только ближе к полуночи. Анастасия, весьма заинтересовавшись байками из учительской деятельности моей подруги, с удовольствием выслушала все ее постебушки на тему «Что такое мерзкие дети и что с ними можно сделать». Невольно вспомнился разговор на одном из сборов в Зенькиной квартире, когда мы с Зеней и Рийкой обсуждали, влезет ли Ирка в наволочку. Поняли, что нет, потому предложили зашить наше будущее светило исторического факультета в пододеяльник, засунуть в стиральную машинку и там выполоскать все ненужное из головы. Ирка же почему-то возмущенно заявила: если в пододеяльник она каким-то чудом и влезет, то в машинку не поместится ни при каких условиях. Поэто-

му она предложила поименовать Савиной Ириной Сергеев-ной Зенькину кошку, зашить ее в наволочку и постирать в машине. Предложение было отклонено: вытаскивать коша-чью шерсть из барабана дорогущего «Аристона» никому не хотелось, да и Гринпис возмущался бы по самое «не балуй-ся». Вдобавок еще и кошка офигело провыла свое коронное «МЯУ!!», после чего смылась в открытую форточку. Зенька равнодушно проводила взглядом улетевшую в предпослед-ний путь домашнюю живность и пояснила, что хоть этаж и восьмой, но подоконник с той стороны широ-о-о-о-о-окий...

– Ну-с, девочка наша, как день провела? – раздался за спи-ной вкрадчивый голос Анастасии. Я страдальчески вздохну-ла и обернулась на лучшую мамину подругу, которая много-значительно тасовала в руках колоду старинных карт Таро, тех, что, насколько я знаю, перешли ей по наследству. Гада-ют – мама не горюй. И всегда сбывается, к моему глубокому сожалению.– Хочешь, расклад кину?

– Не хочу-у-у-у,– пронила я, но Настя уже цепко ухватила меня за руку и потащила на кухню, где мама уже заинтере-сованно косилась в нашу сторону.

Анастасия усадила меня на стул, а сама с видом бывалой гадалки приземлилась напротив, протягивая мне колоду.

– Сдвигай, Максимилиана.

Эх, а куда деваться... Я вздохнула, в очередной раз напо-мнив себе, что чем равнодушнее относишься к гаданию, тем точнее результат. Аккуратная стопочка распалась на две ча-

сти, и Анастасия начала раскидывать карты на шута. Прошлое меня особо не смущало – всякие мелкие бытовые неурядицы, не больше. Ну, если совсем честно – всплыла-таки недавно найденная любовь. Анастасия многозначительно подняла на меня глаза и улыбнулась, но ничего, слава богу, не сказала. Мама у меня карты читать не умеет, и хорошо – а то столько бы всего прочитала... Шут лег на стол – дальше уже шло будущее.

Шестерка мечей – дальняя дорога. Старший аркан – звезда: значит, путешествие грозит неприятностями. Анастасия чуть нахмурилась, но промолчала. Не то чтобы я уж очень верила в гадания, но старинные Таро почти всегда говорили правду. Интересно, куда и как меня на сей раз занесет? Следующая карта, которая легла на стол, – башня. К счастью, перевернутая – проблемы очень большие, но разрешимые. Мда, если на этот раз карты не врут, то мне, наверное, не стоит ехать на ролевку. Дорога, похоже, будет неприятной и почти наверняка приведет к чему-то нехорошему.

Перевернутая сивилла мечей. Так-так, какой же девице я настолько насолила, что та непременно хочет мне отомстить? Вроде бы Рейн упоминал о девушке по прозвищу Чийни: она то ли в него влюблена была, то ли просто хотела его при себе постоянно держать – точно не помню. Только Рейну все это было по барабану, по моим ощущениям, эмоции у него отсутствовали в принципе, зато та особа почему-то решила, что он вспылал ко мне нежными чувства-

ми, и теперь «неровно дышит». Про чувства она загнула: их как таковых у него попросту нет. Однако карты подтвердили: соперница и до действий дозрела. Анастасия помедлила, но следующая карта ее слегка успокоила – девятка жезлов. Значит, конкурентка не сумеет мне как-то навредить. Правда, сама по себе перевернутая девятка жезлов предвещает неприятности и вообще тормоза во всех делах, но замедление – не тупик, переживем.

В руках у маминой подруги осталось только три карты.

– Гадаем дальше? – Я только пожала плечами. А куда деваться с подводной лодки, а? Торпедный отсек временно заблокирован, так что идем до конца.

Всадник кубков, отшельник и перевернутое солнце.

Молодой человек, на которого можно положиться, друг или возлюбленный. Затаившееся зло, его можно избежать или победить. И счастье, что, вероятнее всего, наступит только после всех испытаний.

– Бурная же тебе жизнь предстоит, – заключила Настя, разглядывая получившийся ряд красочных, не выцветших за десятилетия карт. – Правда, ты сильная, ты справишься. – И, понизив голос так, чтобы мама, отошедшая снять истошно надрывающуюся телефонную трубку, не услышала, добавила: – И держись за своего всадника кубков, без него так хорошо все не закончится, понимаешь?

Как тут не понять... Бедный Рейн, он и не знает, что ему теперь со мной возиться придется.

– Кселечька, ты даже сейчас не хочешь попробовать? Может, еще не поздно свой дар пробудить, а? Вовремя сорвавшийся на голову недруга кирпич иногда может сильно помочь, я думаю.

– Тетя Настя, добрая же вы... – мрачно пробормотала я. – Чуть что – так кирпич на голову. Справляются же люди как-то без ведьмовства, и я справлюсь.

– Справишься, конечно, куда денешься. Но ведь с парой шепотков, десятком заговоров и умением подтасовать случайности в свою пользу жизнь становится существенно проще.

– Угу, а потом к тебе явится представитель света, даст миссию под расписку – и крутись как хочешь. Нет уж, спасибо, мне и так хорошо, – буркнула я, вставая из-за стола. – Спасибо, что погадали, но я и так уже устала – только-только с полигона, спать дико хочу.

– А как же предназначение? Оно есть у каждого, так или иначе.

– Есть, но большинство людей об этом не знают и, я думаю, знать не хотят... До свидания, тетя Настя, очень рада была вас увидеть, но я правда спать хочу.

С этими словами я вышла с кухни, прикрыв за собой стеклянную дверь, и столкнулась в коридоре с мамой.

– Мам, я спать, устала по самое «не могу». А завтра вставать рано...

Та только пожала плечами и направилась на кухню, где

загадочно улыбающаяся Анастасия вновь тасовала в руках старинную колоду...

Глава 2

Курский вокзал встретил меня необычной пустотой – только в сторонке, у киосков, толпилось около полутора десятка человек. По тому, что стенку будки «Справочное бюро» благополучно «подпирали» рюкзаки, деревянные шесты с мягкими наконечниками, мечи в полотняных чехлах и прочие атрибуты «набора ролевика», я поняла: это свои.

Откуда что берется – я могла поклясться, что еще минуту назад на платформе места было – хоть в футбол играй или репетицию бугурта устраивай, а уже не протолкнуться. Впрочем, нашу компанию цивилиы обходили по широкой дуге, косясь то ли с неодобрением, то ли с опаской. Заинтересованные взгляды, надо отметить, тоже были. Правда, нечасто.

– Ксель, ты где шлялась?! Приветик! – Филька, шустряя, как электровеник, подскочила ко мне, моментально сделав снимок моей невыспавшейся и малость обалдевшей от такой встречи физиономии. Ой, хорошо, что у Фильки цифровик – самые позорные снимки можно будет под шумок удалить. Главное, чтоб она под тот же шумок флэшку не сменила. – Наши уже минут двадцать как съехались!

– А я чего? Я ничего... – Приятно, когда не ты мастер полевки и не обязана отвечать за сложившийся бардак. Кстати, насчет мастера... – А Рейн уже приехал? – По идее, он на том полигоне мастер по боевой части, да и нас именно он туда

оттранспортировать должен. Допустим, на нужной станции я выйду, но вот добраться до полигона через подмосковный лес я точно не смогу, разве что упрошу лешего или прошепчу заговор поиска пути. Но ни то ни другое я делать не собираюсь, значит, без Рейна никуда.

Филька погрузтелела и потеряла кончик длинной косички, переброшенной через плечо. Вообще-то Филька, она же Филимоновна – потрясающий маленький человечек восемнадцати лет от роду. Маленький – это потому, что рост у этого чуда в небольших очочках чуть больше полтора метров, но ей это не мешает, а даже наоборот, помогает быть везде и всюду. В общем, обожаемая дочь нашей ролевой команды. В боях Филька, разумеется, не участвовала ни разу, но с фотокамерой облазила все овраги, кусты и «горячие точки» игровых полигонов. А сейчас на лице у нее было написано крупными буквами: «Рейн еще не приехал, дозвониться до него не получается, а электричка отходит через десять минут». Без него до полигона, как я уже говорила, мы не доберемся. Более того, никаких контактов с другими мастерами нет, а надежда на то, что с нами на одном поезде окажется еще команда, была весьма призрачной...

– Опоздает окончательно – прибыю, – мрачно пообещала я, поправляя на плече лямку чехла с тихо звякнувшим оружием.

– Не получится, – раздался подозрительно знакомый голос за спиной, и я, обернувшись, узрела невозмутимого Рейна с

рюкзаком за плечами, опирающегося на длинный текстолитовый двуручник.

– Давно ты у меня за спиной стоишь? – поинтересовалась я, подходя ближе и награждая мастера по боевке ответственным подзатыльником, от которого тот привычно отмахнулся, и целомудренным поцелуем в щеку.

– Достаточно, чтобы начать сомневаться в том, что ты меня вообще заметишь.

– Ну, извини, надо было сразу сказать, что ты здесь. Ты же знаешь, что с утра в выходной, да еще так рано, я невыспавшаяся и рассеянная.

– Сам стормозил.

– Бывает, – пожалала плечами я, роясь в кармане темно-зеленой замшевой куртки, где, по идее, должен был лежать билет на электричку.

Билет нашелся почти сразу, без проблем, чем несказанно меня обрадовал, а тут и поезд подъехал точно по расписанию, что порадовало еще больше. Значит, где-то через час мы будем уже на нужной станции, а там около двух километров по лесу до полигона. Ну, это не страшно, до полян в Медведково мы летом ходили по три с половиной...

Поезд тронулся, Курский вокзал быстро удалялся, а мы, только-только рассевшись, нагло заняли почти половину вагона. Мы с Рейном сели напротив Ирки и Рийки, и разговор немедленно скатился в сторону полевок. Поначалу шло обсуждение предстоящего действия, но потом тема сменилась

рассказами о уже прошедших играх. К примеру, Рейн поведал историю о последнем «Ведьмаке», куда он попал этим летом.

Веселье началось с самого открытия, когда в первый день игры вместо ожидаемых восьмисот человек приехало аж полторы тысячи. Главмастер поскреб в затылке и выдал длинную фразу, которая в отцензуренном варианте звучала как «Офигеть, дайте две!», чем и определил судьбу полигона: на следующий день народу на игрушке было уже около трех тысяч, и четырех десятков мастеров и еще столько же региональщиков явно было недостаточно. И начался Великий бардак...

Рейн тогда попал в Цинтру егерем, и при нем этот несчастный пограничный лагерь, которому «повезло» очутиться аккурат на стыке двух частей полигона, ежедневно брали штурмом. Но она восставала из пепла, как пресловутый феникс. Самый прикол был, когда отряд из одной части полигона, который в этот раз решил покорить и истребить все, что только можно, добрался до Цинтры. Как водится, brave «джигиты» прошли через весь лагерь, попутно разнесли все, что только можно, и, оставив его в руинах, утопали дальше – к новым победам. Пока завоеватели шурували на другом конце полигона, Цинтра оперативно отстроилась и к возвращению потрепанного и поредевшего отряда завоевателей уже была в полной боеготовности. На возмущенные вопли: «Мы же вас разрушили!» – последовал невозмутимый ответ: «А

мы отстроились!»

– Ну, это еще что! – Ирка безапелляционно прервала Рейна, развалившись на сиденье. – А как там ребята с моего полигона зажигали! Про «голый штурм» не слышали?

Рейн только многозначительно улыбнулся, но улыбка эта, как обычно, не дошла до серьезных карих глаз. Я же, заинтересовавшись, затребовала у Ирки объяснений:

– Так чего там с этим штурмом было?

– Ну, это было страшно! Представь: десяток наших ребят, укативших на «Ведьмака», решили брать штурмом какую-то крепость, уже не помню какую.

– Аэдирн, – влез Рейн.

– Но фокус в том, в каком виде они ее брали! Из всей одежды были только шлемы! И все! Представь лица защитников крепости, половину которых составляли девушки, когда на них налетел десяток ТАКИХ завоевателей, вооруженных одними только топорами! Правда, поговаривают, что там еще девушка какая-то была... тоже голая, задумчиво окончила Ирка.

Теперь я уже рыдала от смеха на плече Рейна, который придерживал меня так, чтобы я не сползла с сиденья.

– Разве что крепость они все-таки не взяли, – уточнил Рейн. – Во-первых, по правилам их было недостаточно для штурма. Во-вторых, из соседнего лагеря пришли «бронемешки», оторванные от завтрака и крайне этим возмущенные. В-третьих же, ворота крепости были закрыты, а на сте-

нах оказались лучники, которые тут же устроили состязания в меткости под девизом «Все, что свисает ниже паховой области – это уже поражаемая зона!», так что голый штурм полностью провалился.

Не, столько ржать нельзя, а мы еще от Москвы не отъехали! Да уж, веселые полтора часа предстоят...

Мы выгрузились на платформу где-то в южном направлении от Москвы, и тотчас Рейн взял командование на себя. Все правильно, уже почти полдень, а до полигона еще минут сорок по пересеченной местности идти, если не больше. Ну, если бы шли только мы с Рейном и, скажем, Ирккой и Моритаром, то добрались бы и за полчаса, поскольку по лесу мы ходить умеем. Но с нами есть люди, которые двигаются не то чтобы медленно, просто не так быстро, как мы. В результате мы опять наверняка растянемся цепочкой метров этак на пятьдесят – сто, и не дай бог кто отстанет. Вывод: нужен замыкающий, который и сам не потеряется, и никому отстать не даст.

А кто обычно крайний? Ну, Ксель, конечно, то есть я. Поскольку мое полное имя, записанное в паспорте, звучит как Златорожская Максимилиана Андреевна, то злит оно меня до крайности. Видите ли, папик до последнего надеялся, что родится наследник, то есть мальчик, даже заранее выбрал имя – Максим – и уже закупался футбольными мячами и голубыми ползунками. Но родилась я. Отец уперся несуществующим рогом, и в итоге в свидетельство о рождении было

вписано имя Максимилиана. Поскольку выговаривать такое длинное имя постоянно – выше всяких сил, то бабуля, едва глянув на запись в свидетельстве, обозвала меня Кселькой, на чем семейный спор был благополучно завершён по принципу «и волки сыты, и овцы целы».

По уже сложившейся традиции, когда по дороге на полигон мы с Рейном являлись ведущим и замыкающим, я собиралась было отчалить в хвост нашей нестройной цепочки, но наш мастер по боевке меня опередил. Нет, он не спихнул на меня функцию проводника. Он попросту послал в хвост процессии одного из наших мечников, кудрявого парня с прозвищем Моритар. Ну теперь можно не дергаться – от Мори еще ни один... хм... в общем, не скрывался никто. Значит, до полигона мы доберемся в таком же составе, в каком ушли с платформы. И то радость.

Вопреки всем пессимистичным прогнозам, до нужных полей, ознаменовавшихся еще издавлека лязгом мечей и малоинформативными возгласами, мы дошли меньше чем за час. И тут же попали в «отеческие объятия» одного из мастеров, отвечающего, судя по всему, за прием народа на игру. Он быстренько пересчитал нас по головам, отметил что-то в списке, после чего послал размещаться.

М-да, а интересно, сколько у нас палаток? Ну, судя по тому, что у Ирки одна трехместка, такая же у Рейна, и еще сколько-то двухместок, то есть надежда – еще одну ночь на природе мы как-то перекантуемся. Лично в моем рюкзаке

ке находился только спальник, пенка, теплый свитер, запасные носки, непромокаемая куртка и куча антуража. Палатки не было, потому что я надеялась набиться в соседи к Ирке или же к Рейну, чья палатка еще не была облюбована никем более предприимчивым. Провиант шел отдельной категорией, но за хлеб насущный можно было не волноваться: благо станция в сорока минутах ходьбы, а павильончик с продуктами первой необходимости там однозначно был – сама видела краем левого глаза во время процесса выгрузки из электрички.

Эх, жаль, что игра короткая – всего-то на выходные рассчитана. Зато само действие начнется ближе к вечеру, а это уже интересно. Правда, бои будут только завтра, с наступлением светового дня, а сегодня, как успел объяснить Рейн, намечается нечто вроде «погружения в атмосферу игрового мира». Господи боже, как все сложно...

Наконец-то палатки были поставлены, к счастью, благодаря более опытному народу, который делал это уже не раз, обошлось без приколов типа «ненадежного шалашика». Я же, выяснив, что у Ирки все занято на ночь вперед, наглым образом перетащила свои вещи в ярко-желтую палатку Рейна, который был совсем не против такого соседства, даже наоборот.

А потом начался дурдом.

Вернее, когда Рейн, переодевшись в ролевою одежду и накинув на плечи зеленый плащ с вышитыми кленовыми ли-

стями, удрал куда-то со сверхзвуковой скоростью, я поняла, что сейчас будет твориться что-то нешуточное. И, как всегда, оказалась права. Только-только я натянула расшитую льняную рубашку поверх водолазки, как молния на входе в палатку разъехалась, и внутрь влезло что-то в черном плаще и котте с нашитым куском «чебурашьего меха». Ирку я признала только по очкам – закамуфлировалась, блин, партизанка...

– Ксель, что расселась?! Главмастер уже давно трубит общий сбор, пора на парад выползать!

– Парад? Сколько ж тут народу на полигоне, а? – поинтересовалась я, перебрасывая через плечо расшитую сумку и подхватывая из рюкзака бежевый плащ с капюшоном.

– Не знаю, думаю, сотня наберется...

Ну, сто человек – это уже все-таки солидно... По крайней мере, будет с кем играть. Самое главное – не соваться в массовые бои, а то кольчуги-то у меня нет, на игру-то я магичкой ехала, дюралевую катану могут вообще не пропустить – все-таки не настолько антуражное оружие. Зато если пропустят... Рейн точно будет держаться от меня подальше, несмотря на то что сам с двуручником и латными перчатками. Ксель с катаной страшнее самой тетки Смерти на полигоне. Ага, мне б еще косу и черный балахон... Но я уже повторяюсь, господа.

Я выползла из палатки и, на ходу надевая плащ, припустила по еле заметной тропинке вслед за Ирккой. Понятное дело, перед собой я не смотрела совершенно, стараясь попасть

на бегу катаной в ременное кольцо на поясе, а это задача не из легких, поэтому налетела на невысокую русоволосую девушку в теплой накидке и длинном платье.

– Ой, прости, пожалуйста,– спохватилась я, помогая ей подняться и отряхнуть светлый подол. И только потом я посмотрела в ее лицо – да так и застыла. На меня смотрели светло-карие глаза девушки, которую я ни разу не видела в жизни, но имела удовольствие лицезреть на фотографии с Мордхейма. И, насколько я знаю со слов Рейна, эта девушка меня **ОЧЕНЬ** не любит...

К счастью, Ирка, подскочившая со словами:

– Кселька, извиниться успела? Да? А теперь быстро-быстро шевели ногами, нас на параде заждались! А еще тебе Рейн лично втык даст, он же вроде как нами командует! – утащила меня за рукав в направлении поляны, где был объявлен сбор.

Я автоматически перебирала ногами, все еще ощущая затылком сверлящий взгляд Чийни, когда вспомнила о том, что Рейн, как один из мастеров, должен был знать, что сия девушка тоже будет на полигоне! Да я бы ни в жисть тогда сюда не приехала – только психически неуравновешенной темной ведьмы мне не хватало! Теперь жди, что она «случайно» пристукнет меня плохо гуманизированной дубиной по затылку, невзирая на отсутствие доспехов.

– Ир, Рейна я сама прибью! Лично! Знаешь, что это за девушка была?

Ирка задумалась:

– Не уверена, вроде бы видела где-то... А что?

– Ну, помнишь, я тебе рассказывала о девушке, которая мне одно время жить капитально мешала? Так вот, она это.

– Да-а-а? А Рейн-то знает, что она здесь ошивается?

– А вот это мы сейчас и выясним, – многообещающе размяла пальцы я, благо деревья уже расступались и показалась поляна, заполненная красочно разодетым народом.

Судя по тому, что главмастер уже толкал какую-то почувствованную и, видимо, не раз отрепетированную речь, парад уже начался. Рейн скромно обретался за спиной оратора вместе с остальными мастерами, которых оказалось с добрый десяток. Ну, на сотню человек, по идее, должно хватить. Мы с Ирккой тихо-тихо прокрались за спинами и пристроились в хвосте нашего отряда. Не знаю, как меня, но Ирку было заметно за километр. Рейн, видимо, сперва засек Иркин плащ, потом меня и сделал страшные глаза, грозя будущими карами.

Так, теперь уже непонятно, кто кого будет бить. Хорошо еще, что тут мы с Рейном разнообразия ради в одной команде, а то опять было бы шоу из разряда «Ксель vs. Рейн: конец света в локальном масштабе». А все почему? Да потому: выпускать нас друг против друга – это стопроцентно нарваться на долгий поединок с непредсказуемым результатом. Летом, пока Рейн еще не обзавелся текстолитовым двуручником, он чаще всего пользовался моей катаной, я – одноручным клинком. И случилось страшное: вышли как-то мы «пободаться»

на одной из ролевок...

Зрелище затянулось минут на пять, было красивым, но девушка, снимавшая поединок на видеокамеру, уже минуты через три начала подбивать народ вмешаться: «Да пристукните вы его кто-нибудь шестом по голове, у меня рука держать камеру устала!»

Занавес.

Рейн тогда выиграл у меня практически всухую. Впрочем, с тех пор и у него оружие сменилось, да и я, кажется, перестала просто блокировать удары и перешла наконец на эффективные атакующие связки с обманками. Все-таки с приобретением довольно тяжелого клинка Рейн потерял в скорости и ловкости. Я же обзавелась парой саев, потому теперь активно фехтовала парой «меч-кинжал», вернее, «катана-сай».

Бои стали еще зрелищней. Только теперь частенько кончалось тем, что мы с Рейном, сцепившись гардами, валились на землю под довольный хохот, свист и улюлюканье наблюдавших за поединком. Ну, на этой игре все будет иначе: разнообразия ради мы с Рейном будем участвовать в боевке командой, а не друг против друга.

Я высунулась из-за широкой Иркиной спины и осторожно оглядела отряд на другой стороне поляны. Так, это ребята, которые будут куковать в другом лагере примерно в километре от нас, почти на самом краю полигона. Хорошо хоть, что туда ведет с десятков вытоптанных троп, по которым можно довольно легко добраться, даже толком не заблудив-

шись. Лес тут не очень густой, относительно проходимый, а тихо ролевые лагеря сидеть не умеют, — хотя бы на звук точно выйти можно. На случай же редкостного топографического кретинизма у энного количества народа, мастерский состав озаботился навешать на деревьях красные обрезки ткани, обозначив тропы. Теперь, чтобы сбиться с дороги, придется очень постараться. Ну, к Рейну это не относится: он тут уже не раз был, а я, пользуясь обостренной интуицией потомственной ведьмы, в состоянии выбраться из любого леса. Ну чувствую я тропы, умею их видеть. Когда я шлялась по Лосиному Острову, то, практически не зная местности, всегда выбиралась туда, куда мне было нужно. К сожалению, в «городских джунглях», то есть в Москве, моя интуиция всегда молчит, аки рыба, предоставляя мне изучать каменные лабиринты самостоятельно.

Так, надеюсь, что катану у меня не отберут, да и сай, заткнутый за пояс черных джинсов под длинной льняной рубахой, тоже. Потому что иначе я окажусь совсем без оружия, а выданные мне накануне бумажки с заклинаниями в свалке могут оказаться бесполезными. Будет тогда ситуация из разряда «удар топориком по черепу снимает все хиты, кроме игровых». Хотя Рейн только пожал плечами, когда я его спросила, пропустят ли катану, но все же посоветовал захватить сие жуткое орудие «труда» с собой.

М-да-а-а, а ведь лагерь оппонентов как на подбор — силовики. То есть у нас половина лагеря — девушки, которые иг-

ровой меч в руках вообще держать не умеют – исключение только я и Ирка. Поэтому все как одна приехали на игру магичками – в легких накидках поверх свитеров, длинных юбках и с бижутерией в роли амулетов. Стильно и красиво донельзя, но совершенно нефункционально. А на ребятах, напротив, кольчуги, плотные куртки и стеганки, за которые наверняка зачтутся лишние хиты. Эх, нелегко будет Магической школе в нашем лице обороняться от полчищ нежити, которую играет народ из другого лагеря. Одна надежда, что успеем «расстрелять» их еще на подходе «заклинаниями», а заодно из луков. Правда, последних на нашу компанию всего три: мой, моритаровский и страшное оружие Зеньки, а толковых лучников четверо. Но, поскольку я буду с Рейном «на поле боя», выходит, на стенах игровой крепости останутся Ирка, и еще две девушки, которые неплохо стреляют по мишеням. Плохо то, что стрела снимает разное количество хитов. Все зависит от того, куда попадешь, а уложить попаданием в область сердца может, пожалуй, только Ирка. И стрел в общей сложности всего-то десятка три

– Эх, Кселька, уделает нас эта «нежить», – пробормотала Ирка, оглядывая оппонентов. – Хорошо хоть ты с оружием прикатила, а то почти все магов играть приехали, одна надежда, что разнесем их «заклинаниями», пока они частокол не повалят.

– А ворота? – тихонько уточнила я, намекая на то, что у частокола вообще-то есть аналог ворот, которые можно ли-

бо вынести тараном, либо как-то открыть, перемахнув через «забор». И в том и в другом случае крепость будет считаться захваченной.

– Вынесут. Но скорее проломают частокол,– уверенно выдала подруга, поправляя одноручный меч на поясе.– Ворота строились дольше, чем тот хлипкий забор. Кстати, ты заметила, что ворота и настил для лучников не тронуты, а в частоколе разные бревнышки? Впрочем, обозвать колья толщиной в пять сантиметров бревнами, язык не поворачивается...

– Короче, ждем с тараном,– резюмировала я.

– Ждем,– согласилась Ирка.

Веселенькое же завтра представление ожидается...

Наконец главмастер перестал бухтеть, остальной мастерский состав разбрелся общаться с народом, наставляя того «на путь истинный», а Рейн подошел к нам.

– Ну-с, господа ролевики, добро пожаловать на игру.

– Рейн, одна просьба, давай ближе к делу, а? – рассеянно попросила Ирка, разглядывая ногти.– А то мы уже главмастера наслушались. Неужто нельзя было как-то эту приветственную речь сократить, а?

– Вообще-то он по ходу дела еще и правила рассказывал,– ехидно ответил тот, перебирая пальцами правой руки в латной перчатке.– Ирка, вот так всегда, правила слушаешь краем левого уха, а потом возмущаешься. А мне еще, между прочим, на ваше оружие наклейки с хитами вешать.

– Так вешай побыстрее, и мы пошли,– усмехнулась подружка, протягивая ему свой дюралевый клинок, еще недавно доведенный до состояния тупой пилы, но выправленный специально к ролевке так, что придраться было не к чему.

– Выправила-таки свою пилу «Дружба»,– усмехнулся Рейн, выдавая Ирке цветную наклейку, которую надлежало приклеить на лезвие где-нибудь около гарды. Надпись на наклейке гласила, что оружие допущено к игре и снимает два хита. Ой, щедрость-то какая!..

Следующей под «раздачу слонов» подпала я, протягивая Рейну свою «яйцережку» и глянула на него самыми невинными глазами, какими только могла.

– Ой, кава-а-а-а-ай! – насмешливо заявил тот, вертя катану в руках и возвращая ее мне вместе с наклейкой.– Ксель, прекращай строить глазки, ты и так милая донельзя. Кстати, кинжал тоже с собой приволокла?

– Ну, ты же знаешь, что да. А то вдруг еще кто с собой двуручник притаранит, хоть не так страшно будет.

– Разве что тому, кто этот двуруч принесет и выйдет с ним против тебя,– хмыкнул Рейн, вручая мне еще одну наклейку.– Но ты хоть на этот раз не лезь вперед, а? Без доспехов все-таки...

– Ты давай оружие проверяй, а то мы до лагеря сегодня не доберемся,– фыркнула я, возясь с наклейками. Те честно пытались приклеиться к лезвиям клинков, правда, безуспешно.

– До темноты доберемся,– уверил меня Рейн, осматривая

очередной меч и искося бросая в мою сторону оценивающий взгляд.

Так, может, зря я все-таки столь опрометчиво решила забраться к Рейну в палатку, а? Все-таки отношения у нас плавали на уровне «любовь-дружба», и к чему это все приведет – не знал никто, в том числе и мы сами. Мне же, как ведьме, было беспокойно вдвойне: я и так чувствовала Рейна слишком хорошо, а то, что «браки совершаются на небесах», не нами придумано. Далеко не всегда даже церковный брак может связать две души воедино, а в редких случаях, когда встречаются две половинки, люди, предназначенные друг другу, им не требуется венчание, разве что в качестве красивого торжества... Только, скорее всего, это лишь мои иллюзии. Рейн, как мне иногда представляется, вообще любить не умеет, настолько этот человек выглядит безэмоциональным и рассудительным. Он не делает необдуманных поступков. Он на все смотрит в первую очередь с точки зрения функциональности. И у него все либо просчитано на десять шагов вперед, либо...

Иногда мне даже казалось, что у него нет души...

Опять меня куда-то не туда потянуло. Эх, если бы Ирка эти мои рассуждения услышала, она бы точно взвыла на тему, что пора прекращать «разводить розовые сопли», и быстренько бы перенастроила мои мозги на нужный лад. Я страдальчески вздохнула и, дождавшись, пока нас всех отпустят обратно в лагерь заканчивать приготовления к игре, поки-

нула поляну почти с радостью, в очередной раз ощущая на себе взгляд темной ведьмы.

Похоже, отдых на природе будет не настолько легким и приятным...

Я стояла у «ворот» нашей крепости, терпеливо ожидая, когда же придут «парламентеры» из противоположного лагеря. Полчаса назад поступила отмашка от главмастера, и вот теперь Рейн честно ходил вдоль частокола с внутренней стороны, выстраивая наших «магичек» на настиле в боевой готовности с мешочками, в которых лежали «огненные шары» – обтянутые яркой цветной тканью детские мячики. Когда я вызвалась встретить парламентеров, он помялся для приличия, но, зная, что язык у меня подвешен очень неплохо, согласился. Тем более если уже прошел приказ атаковать нас – я успею либо смыться обратно в крепость, либо не дать себя зарубить, пока на подмогу мне не подоспеют наши мечники.

Вот так я и стояла у ворот – подпирая ближайшую березу и лениво глядя на небо. Время близилось к четырем часам пополудни, значит, до сумерек еще часа три как минимум – подрасться успеем. Из-за частокола время от времени доносились то командные возгласы Рейна, то Иркины комментарии. Очередной «крик души» заинтересовал меня даже больше, чем появившиеся наконец на тропинке парламентеры в полном боевом облачении: в кольчугах и с мечами.

– Да не вставай ты так – ты магичка или где? Лезь наверх!

Что значит «не полезу, я в юбке?!» – Судя по голосу, ситуация с девицами уже начала малость раздражать нашего мастера по боевке, по совместительству одного из архимагов в Магической школе.

– Рейн, дай я... подсажу! – раздался насмешливый Иркин голос, вслед за чем до моих ушей донесся возмущенный девичий визг. Хм, и за какое место Иринка ущипнула несчастную девицу, если та так завизжала?

Нетерпеливое покашливание рядом заставило оторваться от прослушивания занимательного диалога за частоколом и обозреть «посольство». Ну, разумеется, в него затесалась и Чийни. Картина Репина «Не ждали»: я – у березы, с катаной за поясом и саем на бедре, в порядке уже помятом плаще, а напротив – Чийни в шикарном светлом платье с открытой спиной и пятью охранниками в кольчугах сзади. Я присмотрелась к оружию: по два хита снимают как минимум. Значит, мне достаточно пары попаданий, и – здравствуй, «мертвятник». Не есть хорошо, честное слово.

Кусты неподалеку зашуршали – так, либо региональщик хоронится, либо кто-то с фотоаппаратом, либо засада. Судя по донельзя довольному лицу Чийни – последнее. За частоколом тоже установилась подозрительная тишина. Похоже, Рейн все-таки навел порядок и сейчас будет первая боевка.

Только вот не хотелось выходить из игры в самом начале, так обидно будет...

А тем временем Чийни начала свое выступление:

– Человеческие маги, посмеявшие воздвигнуть на границе наших земель свою обитель, вы должны сдаться! Вы нарушаете наши законы, и наказание за это – смерть. Но мы милостивы: сложите оружие, перейдите под нашу присягу, тогда мы сохраним ваши жалкие жизни.

А патетики-и-и-и... У депутатов Госдумы столько нету!

– Девушка, вы чего-то путаете, – флегматично ответила я, поправляя раскрытую сумку, висевшую через плечо. – Мы мирно живем на пограничных землях, которые не являются вашей собственностью. Так что, будьте добры, идите, откуда пришли, а? Мы ведь тоже добрые. – Я кивнула на частокол, откуда моментально высунулись с десятков девушек с фаер-болами наизготовку, а на вышке появилась Иринка с луком. – Видите, заклинаниями мирное посольство не испепеляем, из луков не расстреливаем. В общем, идите, господа и дамы, до дому до хаты, а нам и без вас неплохо жилось.

Краем глаза я увидела, как Рейн, выглядывавший из-за частокола, страдальчески закатил глаза и тут же исчез с поля зрения. Неудивительно, после таких речей малейшая надежда на мирный исход дела растаяла, как мороженое на люке теплотрассы. Ну а при чем тут я-то?! С самого начала ясно было, что все настроены на «подраться» – по крайней мере, до темноты. После, понятно, мир будет, но сейчас меня наверняка будут пытаться прибить по игре. Спасибо, если не по жизни, а то в бою, пусть даже ролевым, травмы тоже случаются. Обычно – действительно случайно, но иногда – це-

ленаправленно.

По этому поводу вспоминается байка с одной прошлогодней игры. Я там не была, но со слов участников выходило крайне забавно. В общем, иногда отыгрыш виртуального войска (да, и такое бывает: на спину человеку вешают флажок, который обозначает отряд в энное количество человек) приводит к довольно комичной ситуации. На той игре виртуальные войска были. Так вот, идет отряд числом в десять реконструкторов – все при оружии, в полном доспехе, со щитами – сразу видно, народу вынесут немерено, – гордые собой и своей непобедимостью донельзя. Навстречу им – человек, довольно хилый, в общем-то без оружия, но с ярко-красным флажком за спиной. Подходит он к противникам и, радостно так улыбаясь, заявляет: «Здравствуйте, ребята, а я вас окружил!» Те в непонятке, а ушлый ролевик, показывая на флажок: «У меня тысяча человек с собой». История умалчивает, что потом было с предприимчивым флагоносцем, но подозреваю, что от реконструкторов он так и не ушел...

Тем временем Чийни встала в позу униженной и оскорбленной царицы и, указывая на меня тоненьким пальчиком, выдала команду телохранителям:

– Покрошить ведьму!

Щас-с-с-с! Зря я, что ли, сумку открытой держала?

В ту же секунду, когда Чийни раскрыла рот, чтобы отдать приказ, я вытащила из нее полную горсть семечек и швырнула их в телохранителей с комментарием: «Парализация на

минуту!» Как я и предполагала, правила игры тут соблюдались, и парализующее заклинание, которое отыгрывалось киданием семечками в противника с соответствующим комментарием, оказалось весьма кстати. Телохранители застыли как стояли – с наполовину вытасненными из ножен клинками, а Чийни, которой тоже досталось «заговоренными» семечками, пришлось замереть с вытянутой в мою сторону рукой.

Очень хотелось быстро прирезать «инвалидов», но время не позволило, да и вражеская засада в кустах в количестве еще десятка человек тотчас ломанулась ко мне. Понимая, что семечек моих на всех не хватит, я рванула обратно к частоколу, где ребята уже поднимали деревянную дверь, заменяющую ворота.

Рейн, потрясая двуручником, выбежал первым, за ним еще несколько наших мечников в кожаных куртках, а сверху, как горох из прохудившегося мешка, посыпались фаерболы. Н-да, девчонки наши, конечно, кидали мячики по принципу «на кого бог пошлет», но Иринка на вышке из лука стреляла довольно метко, отправив двоих вражин в мертвятник еще до того, как те до нас добежали. Я хмыкнула и, подойдя к Рейну, привычно встала слева от него.

Всё, не обойдут нас теперь, поскольку оборона в команде у нас не раз уже отработана. Когда на тренировках приходилось вставать в подобную позицию бок о бок, я всегда оказывалась слева, Рейн же справа, как и подобает моему анге-

ду-хранителю – в такую должность его шуточно возвела Рийка, которая сама напросилась на роль моего личного чертика. В общем, в такой комбинации мы могли сражаться довольно долго и качественно...

Рядом мелькнул тяжелый дюралевый полторник, как вдруг...

...Мир вокруг меня не устоял и покачнулся. Я изумленно перевела глаза со своей выдавшей лучшие дни и не раз уже правленной катаны на обступивший нашу команду осенний лес, который стремительно менял очертания. Время же, напротив, словно застыло. Рейн, оборонявшийся рядом со мной и как раз вскинувший над головой текстолитовый двуруч, замер в верхней точке замаха, только приглядевшись, можно было заметить, что меч медленно-медленно, сдвигаясь со скоростью миллиметр в пять секунд, идет-таки вниз.

Сердце сжала ледяная рука, затем еще крепче и – тут же отпустила. Катана в моих руках неторопливо наливалась непривычной тяжестью, оттягивая держащие ее руки к земле, вместе с этим что-то нестерпимо начало давить мне на плечи, словно я влезла в лямки десятикилограммового рюкзака. Я недоуменно перевела взгляд на вульгарное ролевое оружие, чью рукоять намертво сжали мои собственные пальцы, и невольно вздрогнула: исцарапанная дюралевая полоса обратилась сверкающим, чуть изогнутым лезвием меча с причудливой гравировкой вдоль остро отточенного лезвия, местами измазанного чем-то темным, кровью, что ли?

В глазах на миг потемнело, а потом в уши ввинтился грохот битвы, настолько громко и неожиданно, что я едва не выпустила из рук изменившийся клинок. Рядом со мной сверкающим шлейфом пронесся великолепный двуручный меч, с чавканьем врубился во что-то вопящее и лохматое, которое было метнулось ко мне. Брызнула темная кровь, щедро оросила герб дракона на груди воина в кольчуге, чье лицо было наполовину скрыто прядями темно-каштановых волос, выбившихся из косы, доходившей почти до лопаток.

– Ксель, да проснись ты!!!

Что-что, а командный окрик Рейна я узнаю, даже будучи в полном неадеквате. Да куда же этот мир катится? Почему только меня удивляет тот факт, что мы поначалу участвовали в рядовой массовке на полигоне, а теперь непонятным образом очутились в гуще неизвестной битвы, причем с реальным оружием в руках?!

Краем глаза я заметила тускло блеснувшее лезвие, что скользнуло совсем рядом. Я инстинктивно шарахнулась и машинально подставила меч, когда-то бывший моей дюралевой катаной, под удар. Отдача оказалась неожиданно сильной – клинок едва не отскочил в лоб мне же, а противник – существо, больше всего напоминавшее побритую наголо обезьяну, – взвыл и взмахнул кривым иззубренным мечом еще раз.

Вот когда до меня дошло, что все это мне совершенно точно не снится: ни тяжесть невесть откуда взявшейся кольчуги,

ни блестящий, чуть изогнутый меч в моих руках, ни испачканная не то грязью, не то кровью одежда явно не ролевая, но тем не менее выглядывшая донельзя антуражной. Если у меня весь род по маминой линии «колдует» так, что неприятности обходят десятой дорогой, а ночные посиделки с домовыми – вполне обыденное дело, то почему бы мне, ведьме-бездарщине, не очутиться в параллельном мире или хотя бы в другом своем воплощении?

Правильно, и не такое в нашей жизни случается...

Но не так же!!!

«Облысевшие обезьяны» кишмя кишели на склоне холма, на котором мы обосновались. «Свои» определялись только по серебристым накидкам с вышитым на груди черным драконом на фоне кроваво-красной луны, как на Рейне, который столь самозабвенно косил врагов сверкающим клинком, что вокруг него почти на полминуты образовался пяточок свободного пространства. Это означало, что живых врагов на нем не оставалось.

А потом над полем битвы разлился тягучий звук боевого рога. И откуда я только поняла, будто что этот напев означает, что нужно сомкнуть ряды?! Вот только смыкаться было некому: вокруг Рейна сгрудилось в лучшем случае два десятка воинов в изодранных серебристых накидках поверх кольчуг.

Рог пропел снова, и я, обернувшись, увидела, как на вершине холма всадник на гнедом коне опускает руку. Атака?

Да кто его знает, я до сих пор понять не могу, что я здесь делаю!

– Ксель.

Я обернулась и посмотрела на узкое лицо Рейна, на котором размазалась чужая кровь, превратив его в жутковатую маску, и только карие глаза остались прежними, правда, зрачки странно подрагивали, то расширяясь, то сжимаясь почти в неразличимые точки.

– Сейчас будет жарко, держись поближе ко мне. Нам осталось простоять совсем чуть-чуть, скоро подойдет резерв, но до этого еще надо дожить... В крайнем случае, ты знаешь, что делать.

Я? Знаю? Ну конечно, знаю, что делать... Зажмурить глаза и бухтеть, что мне это все снится, пока я снова не окажусь в родном лесу рядом с Медведково. Но почему только мне это все кажется диким и неправильным?!

Я уже открыла рот, чтобы спросить, что это за бред и где любимый полигон и дюралевая катана, когда у подножия холма полыхнула яркая вспышка и вверх по склону невесть откуда побежала ватага «обезьян» в рогатых шлемах, размахивая кто кривыми мечами, кто грубыми топорами... Но вот получить подобным топором в лоб мне сразу расхотелось – шлема-то у меня не было, да и вообще, ощущение бредовости ситуации росло с каждой секундой.

Домой хочу-у-у-у!!!

Небесам, традиционно, было глубоко наплевать...

Первый ряд существ налетел на плотно сбитый строй мечников с Рейном во главе и моментально полег на месте, так и не успев никого задеть. Меня немедленно оттеснили назад, в середину импровизированного построения, напоминавшего каре, откуда мне были видны только спины воинов да вышивки на серебристых накидках. И с чего это обо мне так пекутся?

Подумать как следует не удалось, потому что вторая волна противно вопящих существ разбила-таки ровный строй на две части, отделив меня от Рейна. Он волчком вертелся среди кривых мечей, как ангел смерти, снизошедший на землю и косящий врагов пылающим клинком. Все бы хорошо, но вот только часть строя, вместе с которой оттеснило меня, была слишком маленькой— полдесятка закаленных в боях воинов, да я, не пойми как очутившаяся здесь и честно отмахивающаяся мечом от тянущихся, казалось, отовсюду иззубренных топоров.

Да что я, бездарная ведьма-недоучка, здесь забыла?

За спиной раздалось противное верещание, потом резкий и сильный удар по ногам поверг меня на землю. Я едва не выронила клинок, а рядом свалилось тело нелюдя, шлем которого был почти развален пополам мощным ударом. Воин со шрамом через всю щеку, подставивший мне подножку и убравший таким образом с пути врага с топором, осуждающе качнул головой, моментально теряя ко мне интерес, и переключился на наскакивающих со всех сторон противников.

– Поднимитесь, госпожа Ксель, поднимитесь и призовите Зверя, иначе мы погибли!

Да о чем вообще речь?!

– Гос...

Возглас оборвался посередине хрипом, и воин завалился на спину, держась за горло, из которого торчала темная рукоятка метательного ножа. Да что же это такое??

Я вскочила, отражая сыплющиеся со всех сторон удары и одновременно осознавая, что сейчас мне конец, – вокруг меня не осталось никого, кто мог бы помочь, одни враги, а Рейн так далеко... Рейн, ты же обещал...

Иззубренный клинок просвистел совсем рядом, я едва успела дернуться в сторону – удар, который должен был пробить мне грудь, всего лишь скользнул по кольчуге, но именно противный скрежет металла о металл окончательно убедил меня в том, что это все не сон. Все происходит на самом деле. И сейчас меня порубят в капусту, если я не...

Не призову Зверя?

Имя сорвалось с губ раньше, чем я успела сообразить:

– Рейн!!!

Кажется, небеса потемнели. Тишина обрушилась ударом молота, даже мало что соображающие «обезьяны», обступившие меня, остановились и обернулись... в ту сторону, где над полем битвы двумя рваными полотнищами тьмы вздымалось нечто, напоминающее не то крылья, не то изорванный шелковый плащ. Мой клинок играючи преодолел сопро-

тивление вражеского лезвия и без труда отбросил его в сторону, а противник даже не сопротивлялся. Он, как и все, зачарованно смотрел туда, откуда изливались волны промозглого холода, проникающего в самую душу, где реяли широкие черные крылья с рваными острыми краями...

Неужто... Рейн?

Я поднялась с колена, только сейчас ощутив, как по шее за ворот стекает горячая струйка крови. Оказывается, кто-то меня все-таки задел, просто в горячке боя не заметила... А напротив стоял ангел смерти с лицом Рейна и глазами, наполненными тьмой. Темная сторона, вырвавшаяся на волю по моему отчаянному зову и готовая уничтожить...

– Если темная сторона завладеет мной полностью, то это будет конец света в локальном масштабе. Ты не сможешь остановить меня, даже когда захочешь.

– Тогда позови меня, если такое случится, я знаю, что смогу удержать тебя.

– Если и смогу позвать, то только когда все закончится.

– Но ты снял все ограничения.

– Снял, но не все. Одно осталось.

– Какое же?

– Ты...

Глаза тьмы на лице Рейна скользнули по мне, остановились на шее, где я все сильнее ощущала боль, сузились... и в них мелькнуло выражение, напугавшее даже меня, хоть я и знала, что он не причинит мне вреда. Полы невероятно

длинного плаща, похожие на сгустки тьмы, распахнулись, и рваные края сверкнули в тусклом свете пасмурного осеннего дня острейшими лезвиями.

Тотчас тишина перестала давить и мир вокруг очнулся вместе с врагами, которые дружно взвыли и беспорядочной кучей накинудись на Рейна, на лице которого появилась леденящая кровь улыбка. Лезвия со свистом рассекли воздух вокруг пробудившейся тьмы, смотревшей на мир сквозь когда-то карие глаза, и в воздухе сильно запахло пролитой кровью...

Господи, мне сейчас плохо станет...

Я выронила меч и упала на колени, зажмурившись и закрыв уши ладонями, но визг погибающих под ударами ангела смерти нелюдей все равно был слышен...

Поэтому, когда все стихло, я не сразу поняла, что все уже закончилось. Волны холода, гуляющие над холмом, поутихли, и я открыла глаза, моментально уткнувшись взглядом в потемневший от крови клинок в опущенной руке. Мгновение – и полы черного «шелкового» плаща на плечах возвышающегося надо мной Рейна с легким шелестом опали на землю, за его спиной не осталось ни одного нечеловека, только люди в серебристых накидках, со страхом косившиеся на ангела смерти...

– Ты звала... – От слегка изменившегося голоса Рейна у меня холодок пробежал между лопаток, но это был не страх. Мне этот голос понравился.

– Звала...

Ожившая тьма в глазах человека, которого я знала и, наверное, любила, довольно улыбнулась. Рейн опустился передо мной на колени, и его глаза, из которых рвалась темная сторона, оказались напротив моих.

– Чего ты хочешь? – Вопрос застиг меня почти врасплох. Мир стал не больше размера карих глаз с вертикальными зрачками, в которых застыло ожидание... стоит только пожелать... что угодно...

– Рейн, вернись, пожалуйста...

У меня это вышло почти умоляюще. Я закрыла глаза, чувствуя, как ледящий холод исчезает, перестает обдавать волнами...

– Ксель?

Я вздрогнула, открывая глаза и понимая, что нет больше черных «крыльев» с рваными, бритвенно-острыми краями, как нет и ощущения пугающей и одновременно притягивающей тьмы во взгляде Рейна...

Над холмом вновь разлился звук горна, только на этот раз он был торжествующим. Победа. Но выиграна всего лишь битва, а не война...

Откуда я это знаю? Я домой хочу! Да еще опять похолодало, и земля как-то странно накренилась... Кажется, я теперь узнаю, что такое обморок...

Первое, что я увидела, открыв глаза, – ярко-желтый «потолок» палатки, нависающий над головой. Так, похоже, все то,

что я увидела, было всего лишь красочным глюком. Узнать бы, что наши девчата умудрились в бутерброды напихать...

В поле зрения возникло лицо Рейна, который недолго думая положил мне теплую ладонь на лоб.

– Ты как себя чувствуешь? Тут тебе один активист, – лицо Рейна помрачнело, – совершенно случайно заехал мечом по затылку. Вроде бы хотел по спине ударить, да вот только ты зачем-то присела, и удар пришелся по голове...

– Активист-то хоть выжил? – поинтересовалась я, приподнимаясь на локте и морщась от легкой боли в ушибленном месте.

Н-да, а я-то на наших девушек грешила. Правда, с них все равно станется насобирать в лесу мухоморов и с чистой совестью выдать их за подосиновики, а потом весь полигон будет ловить красочные глюки с участием розовых слоников и зеленых белочек в белых тапках. Правда, я не знала, что от удара по затылку тоже такие занимательные «мультики» показывают, но больше я свою шею подставлять не буду, ибо дорога она мне как память. Странно, но голова почти не болит. Видимо, мама втихаря заговорила меня от легких порезов, синяков, ссадин и шишек, вот и заживает все раза в три быстрее, чем должно было бы. Мелочь, а приятно...

– Активист выжил, но мы исключили его с полигона за негуманное ведение боевой части отыгрыша, – мрачно заявил Рейн. – Он сейчас в мастерятнике отсиживается. Понятное дело, на ночь глядя никто его по лесу не погонит, но с

игры, скорее всего, снимем.

– Кстати, а с игрой что? – ненавязчиво так поинтересовалась я, садясь и разглядывая то, как Рейн неторопливо раскладывает свой спальник.

– Приостановили. Время-то около десяти вечера, все равно темно. Да и тебя пока до палатки донесли...

– А что, «скорую» или еще какую помощь вызвонить не догадались? – чуточку обиженно поинтересовалась я, помогая Рейну соединить два спальника в один. Все-таки на дворе осень, хоть днем и тепло, но по ночам запросто может подморозить, а отказываться от бесплатной печки за спиной было по меньшей мере неумно.

– Зачем? – Рейн пожал плечами, стаскивая через голову антуражную рубашку со шнуровкой и натягивая мягкий черный свитер. – Ты же не контуженная оказалась, а почему-то вскоре после удара вообще заснула, не приходя в себя.

– Это вы как определили? – Не, мне в самом деле интересно было, ну, не храпела же я...

– А ты так занимательно похрапывала... – Глядя на меня самыми честными глазами, ответила эта темноволосая язва.

– Вре-е-е-е-е-ешь! – возмутилась я, забираясь в спальник и демонстративно поворачиваясь к Рейну спиной.

– Ни в одном глазу! – Даже не оборачиваясь, можно было сказать, что глаза у него и в самом деле кристально честные. Ну-ну, плавали, знаем... Сами так умеем глазки строить.

– Ага, сразу в обоих!

– Ксель, на самом деле ты просто так умильно посапывала и поводила носиком, что сразу было понятно, что ты спишь, а не находишься в состоянии глубокого обморока.– Рейн наконец-то улегся и притянул меня к себе, положив ладонь на все еще гудящий затылок.– Отдыхай, ушибленная на голову.

– От ушибленного слышу,– сонно пробормотала я, согреваясь в спальнике.– Все-таки благодаря тебе моя катана закрепила за собой свое второе название...

В ответ донеслось только скептическое хмыканье, но я уже настолько устала, что не прислушивалась, почти моментально провалившись в сон...

Глава 3

Побудка в виде протрубившего прямо у палатки пионерского горна заставила подскочить на месте, попутно я умудрилась здорово пихнуть Рейна коленом куда-то в район талии. Мастер по боевке тоже проснулся, сопроводив этот процесс какой-то слабо переводимой на литературный русский язык фразой, из которой я поняла, что случайно заехала по чему-то важному, ценному и наверняка ревностно оберегаемому. Извиниться же в полной мере мне не позволила разехавшаяся молния на входе в палатку.

Ирка, уже проснувшаяся, умытая и в полном ролевом обложении садистски ухмыльнулась, взирая на наши заспанные лица, и мстительно достала из-за спины золотистый пионерский горн. На робкие просьбы типа «Ир, а может, не надо?» подруга только улыбнулась еще шире и проиграла побудку на бис, после чего мне захотелось ее прибить, невзирая на прошлые заслуги. К сожалению, немедленно осуществить план жестокой мести не позволил спальник, в котором я непонятным образом умудрилась запутаться.

Хорошо хоть, мне по габаритам до Ирки далеко, да и спала я не в одноместном мешке, а в двухместном. А то вспоминается рассказанная ею же еще летом история, после которой я страстно возжелала попасть на тот же самый рязанский раскоп вместе с ней. А дело было так: Ирка запуталась

в спальном мешке, поэтому, когда поутру прозвучала побудка, выяснилось, что самостоятельно она вылезти попросту не может. Картина маслом: Ирка, пыхтя и матерясь на все лады, выползает из палатки на манер запеленатой в зеленый спальник гусеницы и требует, чтобы хоть кто-нибудь ее из этого треклятого пыточного устройства вытащил. На деле – освободили только минут через пять, когда весь раскоп перестал сгибаться пополам от хохота...

– Подъем, пионеры современного ролевого движения, полигон ждет! – выдала подруга, выбираясь из палатки и уходя со своей зверь-трубой будить оставшийся народ. Эх, чую, что охотиться за девушкой в черном плаще будут не только противники из другого лагеря, но и кое-кто из своих.

– Матерая садистка, – недовольно пробормотала я, выбираясь из спальника. Ушибленный накануне затылок уже почти не болел, так что я была твердо намерена вернуться в строй, а иначе – спрашивается, зачем я сюда приехала, а? Вот уж точно – не в палатке отсиживаться...

– Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты, – негромко отозвался Рейн, вылезая из спальника и тотчас небрасывая расшитую рубашку поверх черной водолазки.

– Напекаешь на то, что я садистка? – ненавязчиво поинтересовалась я, оглядываясь в поисках своего плаща, коего нигде не обнаружила. – Слушай, Рейн, а ты не в курсе, куда мой плащик подевался? Вроде я его тут нигде не вижу...

– А в нем сейчас Филька гуляет, кажется, – пожав плечами,

ответил тот, подбирая меч и темно-зеленый плащ и готовясь вылезать из палатки.

– Эй, стоп, а мне в чем ходить, а?!

Мой вопль униженной и оскорбленной банально проигнорировали, поскольку Рейн срочно понадобился кому-то из наших. Нет, на самом деле плащ мне не жалко – поносят и вернут, куда денутся, но все-таки сейчас он мне вроде как нужен, потому что в одной льняной рубашке поверх тоненького свитера в середине октября холодно. Да, осень в этом году феноменально теплая, но что с того? Комфортно только пока ветра нет, а как поднимется – так только плащ и спасал... Ладно, выпрошу у кого-нибудь. Точно ведь помню, что у кого-то был с собой только «про запас» и чтобы на параде надеть, а потом заменить плотной курткой.

И вот так всегда. Нет, я, конечно, понимаю, что на полигоне каждая найденная кружка считается условно своей и условно чистой, но вроде бы как к предметам одежды это пока не относилось. Хотя с оружием у нас такое уже было – когда оставленный у ближайшего дерева меч непременно «утекал» куда-то в район боевки, найти его потом было довольно трудно, пусть и возможно. Ребята у нас честные: либо сами отнесут позаимствованное таким образом оружие туда же, откуда взяли, либо оттащат в «пункт сдачи арендованного арсенала», то есть в мастерятник. А мастерский состав, тихо матерясь сквозь зубы, потом обычно вешает в сети объявление о найденном на полигоне оружии, если его владелец

не объявится до окончания игры.

– Кселька, ну сколько можно ковыряться, а? – Ирка, по-видимому уже успевшая перебудить весь лагерь, опять влезла в палатку, и вид у нее был до ужаса довольный. Точно, ее зверь-труба все же подняла всех, кого могла и кого не могла – тоже.

– Сколько нужно, – буркнула я, застегивая молнию на высоких сапогах и протягивая Ирке кожаные наручи со стальными заклепками, купленные в Рок-Арсенале на ВДНХ. Кто не знает – самые лучшие и относительно дешевые наручи для ролевых игр всегда можно найти в магазинах, где продают всяческую шнягу для рокеров и металлистов. К примеру, широкие, почти до локтя, наручи металлистов из шорной кожи с заклепками замечательно защищают от удара текстолитовым или дюралевым клинком, а стоят вполтину дешевле антуражных. Правда, их обычно дорабатывать надо: все-таки профессиональные вдобавок ко всему еще и выстелены войлоком изнутри, что является большим и качественным плюсом последних. Я уж не распространяюсь о том, что из купленных в том же Рок-Арсенале браслетов с клепками Ирка сделала себе неплохую защиту на куртку – попросту нашла их на плечи. – Кстати, Ир, ты не знаешь, у кого можно плащ позаимствовать? А то мой вчера Филька увела, а сейчас вроде как прохладно.

– Ну, сейчас похожу, поспрашиваю народ. Правда, большая часть уже по территории «патрулирует», но в лагере еще

наши есть. Только вот стопудово – что найду, то тебе велико будет. В плащах-то у нас в основном ребята ходят. Но я постараюсь кого-нибудь ограбить.

– Ир, да, ограбь, если тебе так удобней. И вообще – чем шире плащ...

– Тем легче его тебе на голову набросить во время боевки! – съязвила подруга. Я только пожала плечами и достала из раскрытого рюкзака бутылку с водой – умыться.

– Ну, есть минусы, конечно. Зато, когда я в широком плаще, по мне сложнее попасть – в основном вхолостую бьют по одежде.

– Да по тебе и так попасть сложно – мелкая, шустрая, еще и левосторонняя. Левая ты какая-то, Кселька. Ладно, пошла я тебе плащ искать.

Ирка мирно свалила, а я подхватила бутылку с водой, зубную щетку, полотенце и отчалила к протекавшему неподалеку от лагеря ручейку. Хорошо, что мастера обозначили дорогу к нему синими тряпочками, развешанными на ветках деревьев, а то я могла и заплутать спросонья. Раза два я натыкалась на наши патрули, и каждый раз, отвечая на вопрос: «Кто идет?», приходилось пояснять, что я тут «по жизни», то есть в данный конкретный момент в игре не участвую. Хм, интересно, меня нарочно пораньше не подняли, чтобы я повстречала все патрули вокруг ручья? Я глянула на часы в виде медальона-сердечка, висевшего на шее: так, похоже, дневная игра идет уже с полчаса, но пока как-то вяло. Ин-

тересно, штурм будет? Потому что вчера захват нашей, так сказать, крепости провалился с громким треском, а вот сегодня нас должны попытаться захватить всерьез. Насколько я знала, нам надо будет продержаться где-то около часа. Если нас за это время не возьмут, то по мастерскому призыву к нам подойдет нехилое подкрепление, пусть и виртуальное, и будет считаться, что защитники школы отбились, враг повержен, добро опять поставит зло на колени... и зверски убьет.

Господи, и кто такой сюжет придумал?

А ведь Рейн еще меня наверняка не выпустит за частокол после вчерашнего. Буду стоять на вышке с луком в руках и пытаться отстреливать нападающих. Почему пытаться? Ну, когда они подойдут вплотную – проблем не будет, попасть с расстояния в пять метров в мельтешащий народ из лука не очень сложно, но вот останутся ли у меня к этому моменту стрелы – никому не известно. Скорее всего, нет – потому что их у меня будет максимум штук пятнадцать, а может, и того меньше.

Наконец впереди показалась вода, и я перестала загружать себе голову всякой ерундой. Если я упрусь рогом и сунусь в ближний бой, то Рейн мне тогда не указ, и он это знает.

Я натянула тетиву на лук и критически присмотрелась к оплетке. Распускается, зараза, надо было ее из кожаных полос делать, а не из тонкого шнурка, сейчас бы не мучилась. Покосилась на стрелы, в количестве десяти штук лежавшие

у моих ног на помосте частокола, и страдальчески вздохнула. Н-да, много я настреляю с таким боезапасом, слов нет. Ирка, расположившаяся на вышке на другом краю частокола, махнула мне рукой и потянулась за одной из стрел. Я тоже наложила одну из своих на тетиву, но натягивать лук пока не торопилась. Все-таки промедлишь с выпуском – стрела полетит не пойми куда, а то и вообще бесславно сорвется. А их у меня слишком мало, чтобы тратить попусту. Рейн, опираясь на свой излюбленный текстолитовый двуручник работы екатеринбургского мастера Дика, флегматично смотрел на довольно большую просеку перед частоколом, где уже относительно правильным строем шли противники из соседнего лагеря. Ну, насколько мне с моей небольшой близорукостью отсюда видно, лучников у них нет, а вот сколько магов – неизвестно. В любом случае, первый ряд этого так называемого «строя» шел со щитами и, кажется, в кольчугах. Плохо. Потому что если у них таких запасливых много, то нам будет совсем невесело.

Захватчики подошли ближе и остановились на краю поляны.

Мы с Ирккой почти одновременно подняли луки, но стрелять пока не торопились: расстояние великовато, стрелы могут и не долететь. Вернее, Ирркины, может, и долетят, но у меня лук послабее, надо бить наверняка и с расстояния не больше пятнадцати метров, иначе стану мазать со страшной силой. Хотя на тренировках я и умудрялась, стреляя со стой-

ки на колене, попадать аккуратно в лезвие клинка Рейна, ширина которого где-то два с половиной сантиметра, но там расстояние-то было метров пять, не больше. Кроме того, и не носился он по полю, а эти – точно будут. Это пока они стоят, как на параде, а вот сейчас кто-нибудь из мастеров, который уже наверняка вплотную подобрался к месту событий, даст сигнал к началу атаки, и вот тогда будет жарко.

Так и оказалось: откуда-то из кустов раздался хрипловатый вой Иркиной зверь-трубы, которую мастера позаимствовали у владелицы. Н-да, только вот играть на пионерском горне никто из них явно не умел, но сейчас этого и не требовалось – главное, чтобы прогудеть громко, а большего и не надо. Строй мечников рассредоточился, и я увидела, что таран они все-таки принесли. Ну, хорошо, что я недалеко от ворот – посмотрим, сумею ли нащелкать народу по шлемам, если не стрелами, так хоть фаерболом. Все-таки не просто так я магичкой поехала. А на самый крайний случай – высота частокола всего два с половиной метра, перемахнуть через него особых проблем не возникнет, даже при приземлении. Правда, достанется мне потом от Рейна за такую самостоятельность...

Я отбросила назад полу широкого черного плаща, найденного для меня Иркой, и, натянув тетиву, сделала первый пристрелочный выстрел одновременно с подругой. Та попала, я же промазала, но промах меня не сильно расстроил – я заметила за спинами народа в кольчугах темно-синие накидки

магов. Так, если память мне не изменяет, то по магам достаточно разок-другой выстрелить из лука – и пойдут как миленькие в мертвятник. Это только мне дополнительных хитов повесили за костюм и хорошо продуманную легенду, но отряд «занавесочников» – магов вряд ли обзавелся такими же привилегиями.

Им же хуже. Потому что занавесочников, то есть людей, делавших игровые плащи из больших кусков ткани, попросту присборенных по верхнему краю, ролевики не очень любили. Это как если бы на званый вечер, где все в красивых смокингах или вечерних платьях, кто-то пришел в простеньком велюровом пиджачке. Не в тему, и все тут. А занавесочниками их окрестили потому, что плащики эти больше похожат на снятую с окна шторку.

– Ксель, гаси магов, когда приблизятся!

Я посмотрела в сторону Ирки, которая уже начала обстрел тех, кто тащил три небольшие деревянные лесенки, сколоченные, судя по всему, прямо в лагере. Тоже не лишено смысла – захват крепости считается успешным, если ворота открыли либо снесли, в крайнем случае, перелезли через чаштокол и «вырезали» или захватили большую часть защитников. Наши противники, судя по всему, решили объединить оба способа в надежде, что хоть один из них сработает. Ну, посмотрим, господа. Нам ведь только час продержаться, а отсчет времени уже пошел, начинаясь со звуков зверь-трубы.

– Маги, готовьтесь обстреливать тех, кто со щитами!–

Рейн однозначно умница. Самую большую опасность для нас представляет народ с тараном, прикрывающийся щитами: стрелами их не «убьешь». Зато при попадании мячика-файера в щит последний считался сгоревшим и отбрасывался в сторону как нерабочий, и вот тогда можно уже стрелять в неудачника сколько угодно.

Первый же удар тараном сотряс ворота до основания, довольно хлипкие доски, из которых они были сделаны, затрещали, но устояли. Я же недолго думая выстрелила из лука в открывшегося бойца, которому кто-то из наших девчонок уже помог избавиться от лишней ноши. Пока тот, ругаясь, отбрасывал «сгоревший» щит в сторону, я успела выстрелить еще раз, а прилетевшая со стороны вышки Иркина стрела окончательно отправила парня в мертвятник. Рейн продолжал расхаживать взад-вперед по деревянному настилу, который, к счастью, при постройке сделали сплошным. То есть над воротами он тоже существовал. А что – удобно, а то видела я крепости, где над так называемым подъемным мостом настил обрывался и приходилось перепрыгивать через метровый зазор. Здесь же можно было не страдать подобной ерундой, поэтому я выбрала наиболее удачную, с моей точки зрения, позицию – над самыми воротами – и оттуда довольно метко выносила народ, пытавшийся подобраться к частоколу с тараном.

Тех же, кто штурмовал крепость с помощью лестниц, пока довольно удачно выносили ребята, которым тоже на-

шло место на настиле,— все-таки девушкам-магичкам как-то несподручно отпихивать от частокола штурмовые лестницы, да еще с чем-то вроде крюков на самом верху, которые цеплялись за зубцы и крайне неохотно снимались. Остальные защитники крепости собрались внизу, вдоль штурмового коридора — огороженной довольно прочным забором прямой дорожки шириной полтора метра и длиной где-то пять-шесть. По правилам это был дополнительный рубеж обороны команды школы — то есть при вышибании ворот захватчики должны были пройти через него, и только в конце попадали в саму крепость.

Кажется, я чересчур увлеклась — расстреляв все стрелы и с десятков мячиков, я отнесла бесполезный уже лук на вышку к Ирке, которая тоже извела весь боезапас, и мы обе принялись выжидать, когда же закончатся фаерболы у наших девушек и нам все-таки вынесут ворота. Времени, отпущенного на сражение, осталось уже меньше половины, и я, откровенно говоря, надеялась, что мы сможем протянуть означенный час, не вступая в ближний бой, хотя, судя по всему, надежда эта была более чем призрачная. Пусть противников из пятидесяти с чем-то человек осталось около тридцати, этого вполне хватит, чтобы вынести крепость, потому что девушек у нас больше половины и почти все они в боевку лезть не будут, так как ни мечей у них нет, ни драться толком они не умеют. Да и встречаются ли в довольно серьезную махаловку в тоненьких кофточках и широких юбках? Ну, если это не я

или Ирка, то никогда.

– Кселька, я, пожалуй, спущусь вниз, буду стоять у штурмового коридора – сама видишь, ворота вот-вот сломают, а самые толковые наши ребята сейчас с лестницами канителются.

– Давай, а то если еще и через частокол перелезут, то нам всем будет кисло.

Ну, поскольку мастер по боевке зорко следит за выполнением игровых правил, то можно не волноваться: гасить негуманными методами нас не будут, скорее всего, просто прокатятся, как катком. Но гуманно. Правда, минус в этом всем все равно есть – если я попытаюсь оборонять штурмовой коридор, то Рейн будет ругаться очень и очень сильно. Потом. Возможно. Если не возникнет других дел.

Ирка довольно шустро спустилась вниз, вставая у импровизированного заборчика внутри частокола, когда ворота все-таки треснули. Очередной удар выбил перегородку окончательно.

Интересно, на раздачу мозгов при рождении я опоздала или же просто куда-то их дела по недомыслию?

Что, похоже, недодали, я поняла только тогда, когда за секунду до того, как первый воин в кольчуге и с полуторным мечом наперевес ступил в штурмовой коридор. Я спрыгнула с настила, с высоты около двух метров, и, не успев подняться с колена, наотмашь рубанула катаной. Парень явно не ожидал, что прямо перед его носом сверху свалится ненормаль-

ная русоволосая девушка и, не размениваясь на долгие разговоры, нанесет удар первой. В итоге выпад он пропустил, а когда пришел в себя, я уже стояла на ногах, размахивая клинком.

Весомый плюс нашего штурмового коридора был в том, что из-за небольшой ширины его можно было довольно успешно оборонять вдвоем, а если со щитами – то вообще продержаться довольно долгое время. Да и нападающие не могли прорваться сразу – сражаться возможно было максимум двое на двое, остальным приходилось ждать поодаль. Все бы хорошо, да вот только я была одна.

Недолго – секунд пятнадцать—двадцать, пока за спиной не послышался возмущенный крик Ирки и подруга не встала справа, помогая не пускать противников дальше. Но за эти пятнадцать секунд мне успели довольно чувствительно ударить по локтю, отчего правая рука онемела, и хорошо, что катана легкая, а левой рукой я владею немногим хуже, чем правой. Только вот потом меня безапелляционно оттеснили из штурмового коридора в саму крепость со словами, что нечего мне тут делать.

А локоть-то и впрямь болел, да так, что поднять правую руку с катаной не было никакой возможности. Вот когда я порадовалась, что на мне чей-то широкий плащ, запахивающийся так, что скрывал меня полностью от шеи и до щиколоток. Под его складками бессильно висящую вдоль тела руку можно было запросто спрятать от зоркого взгляда ма-

стера по боевке, который за проделанный мною финт еще много чего потом выскажет. Правда, не засчитать подобный прыжок он мне не сможет, так как в правилах оговаривались только прыжки с частокола по ту сторону крепости – типа, упал со стены и разбился. Зачем? Ну, предположим, что у меня за спиной танцкласс по латинской программе, аэробика и еще самбо по мелочи – то есть спрыгнуть с двух с половиной метров так, чтобы не повредить себе ровным счетом ничего, я могу. Ну, возможно, на подобное способны еще человек пять-десять из нашего лагеря, но на этом все. А народ в запале может попытаться повторить то, что обычно рекомендуют не делать собственными силами, а кто отвечает за травмы на полигоне? Правильно, мастера. Так вот, чтобы подобного искушения не возникло, и ввели такие правила: сиганул со стены, идешь в мертвятник без разговоров. Но про прыжки с настила в штурмовой коридор никто ничего не говорил, а что не запрещено – то разрешено! Высота настила – чуть меньше двух метров, просто вряд ли кто из мастеров предполагал, что найдется настолько ненормальный, который будет прыгать с него навстречу прорвавшимся через ворота. Рейн – тот да, мог бы предположить, но он все-таки понадеялся на наличие здравого смысла, а в последнее время у меня его что-то маловато.

Нападающие почти прошли штурмовой коридор до конца, когда со стороны ворот опять раздался душераздирающий вой Иркиной зверь-трубы и кто-то из мастеров выдал

текст следующего содержания:

– Прибыло войско короля, присланное с ближайшей границы, и окружило Магическую школу, не давая вырваться захватчикам! Воинству тьмы предлагается сложить оружие и покинуть крепость!

Ну, кажется, штурм нами все-таки выигран!

Бой после таких слов мастера почти сразу прекратился, и противники, опустив оружие, начали покидать «крепость». Вот уж чему я радовалась вместе со своей командой, но очень недолго: ко мне твердой размашистой походкой приближался Рейн, и, если судить по выражению его лица, сейчас меня будут ругать, причем за дело. Я заранее цапнула проходившую мимо Рийку за край накидки и честно попыталась за ней спрятаться, впрочем, безуспешно – подруга ниже меня на полголовы и более худенькая, так что замаскироваться не получилось. Вот когда я пожалела, что Дейна, знакомого ролевика из «старой гвардии» девяностых на этой игре нет – за его широкой спиной я могла спрятаться полностью, и вот тогда можно было бы с полной уверенностью сказать, что фиг меня кто из-за него достанет.

Но при Рийке Рейн меня хоть не будет наказывать с применением физической силы, а ограничится лишь словами. Правда, присмотревшись к его потемневшим глазам, я перестала быть столь в этом уверена. И опять оказалась права. Ой, мать моя ведьма, сейчас меня будут добивать, только на этот раз по жизни!

– Рийка, отойди, мне тут надо с Ксель поговорить...

– Рия-а-а-а,– жалобно заныла я.– Не бросай, меня ж тут добьют!

Подруга несколько секунд переводила взгляд с меня на Рейна и обратно, а потом со словами: «Рейн, если ты ее покалечишь, народ тебе этого не простит»,– смылась в неизвестном направлении. Я тоскливо посмотрела ей вслед, когда мастер по боевке схватил меня за плечи и довольно ощутимо тряхнул.

– Так, я тебе что говорил? Куда ты все время несешься сломя голову, а? Я же тебя больше ни на одну игру не возьму. Попрошу твою маму запереть тебя дома и не выпускать!

– Только попробуй! – с вызовом объявила я, вскинув подбородок. Ох, нарываюсь ведь, еще как нарываюсь. Но по локтю мне и впрямь хорошо засветили, вот я и ищу повод, чтобы поцапаться и наконец-то сбросить накопившееся раздражение.– Поеду куда-нибудь типа Мордхейма, где ты никому не указ, и нарочно сунусь в первый же бугурт! А что? Кольчугу найду, шлем одолжат, меч у меня есть, щит Ирка выпилит,– короче, амуниция будет! Давно мечтала поучаствовать в массовом сражении!

– Чтобы тебе там голову проломил?!

– Зато тебе проще будет – не придется со мной возиться, когда я тебе боевку своим поведением порчу!

– Да плевать мне на боевку, дурочка! – Рейн вдруг прижал меня к себе так, что я только тихо пискнула от неожиданно-

сти.— Я за тебя волнуюсь, понимаешь ты это или нет? — И, помолчав с секунду, добавил: — Просто второй такой ненормальной на полигоне нет, а ответственность за тебя несу я.

— Рейн! — Голос мастера с зверь-трубой в руках задавил зародившуюся было романтику в корне.— Там тебя главмастер требует — надо красиво игру закруглить, чтобы до темноты лагеря свернуть и по домам разъехаться.

— Ладно, сейчас иду.— Он отпустил меня и шутливо нажал указательным пальцем на кончик моего носа, как на кнопку дверного звонка.— Хорошо хоть, что боевок больше не будет. Только ты все равно без надобности больше не лезь куда не надо, ага?

— Не обещаю, но постараюсь,— улыбнулась я. Рейн только кивнул и, поудобнее перехватив меч, зашагал в сторону мастерятника.

Я же пошла в противоположном направлении. Вроде бы в палатке у меня в рюкзаке есть какая-то мазь типа «Спасатель», от которой синяки и прочие ушибы проходят гораздо быстрее. Да, зашептать было бы эффективнее, но я как назло в упор не помнила ни единого заговора. Ладно, домой приеду — мама залечит, а пока обойдусь тем, что есть. С такими мыслями я ушла с поляны и углубилась в лес по едва заметной тропке, которая невесть откуда возникла под моими ногами. Ну, лешие, низкий поклон вам, выводите...

Кусты напротив меня зашуршали, и из них вылезла слегка встрепанная и чем-то недовольная Чийни. Ну, чем девуш-

ка была недовольна, и ему понятно – моим присутствием на полигоне, конечно. Да еще и в компании Рейна. И если моего друга она еще воспринимала более-менее адекватно, то моя скромная персона действовала на нее как красная тряпка на быка. А все потому, что я «имела наглость увести ее единственную любовь». Ага, ну как же... А то, что самой ей Рейн был нужен только в качестве игрушки и по принципу «мое, сама не воспользуюсь, но никому не дам!» – она как-то в расчет не брала. Главное, что меня моментально записали в «развратные ведьмы», чем сделали нехилый по своей величине комплимент, значительно преувеличив как мои достоинства, так и степень воздействия на противоположный пол, после чего началась травля.

Проклятия и прочие «милые и добрые» пожелания посыпались на меня как из рога изобилия. Спасало только то, что, будучи ведьмой не знаю в каком поколении, да еще и уже выбравшей Свет в качестве направляющей силы, защита у меня была – дай бог каждой. Посему все ее попытки так или иначе испортить мне жизнь на расстоянии благополучно заканчивались с нулевым результатом.

И, похоже, сейчас мне постараются все вышесказанное компенсировать уже при личном контакте. Эх, не повезло: вся моя команда шлялась либо по полигону, либо в мастерятнике, либо в нашем лагере, а в присутствии дружелюбно настроенного по отношению ко мне народа Чийни не подходила ближе чем на пять метров, честно не смотря в мою

сторону. Я сначала напрягалась, в очередной раз ощущая затылком тусклый, словно неживой взгляд карих глаз темной ведьмы, которая только считала себя «отошедшей от дел». Рейн большую часть времени зависал в мастерятнике и до меня добегал либо во время игровых действий, либо отыскивал в лагере. Понятно, что беспокоился в меру возможностей, но Рийка с Ирккой, поехавшие в составе команды, каждый раз уверяли его, что от меня ни на полшага не отойдут и вообще будут всегда рядом.

А вот сейчас я по глупости решила срезать дорогу от недавно обороняемой крепости к лагерю через ручей и столкнулась с Чийни, которая то ли делала обход, то ли просто шаталась по лесу. Маловероятно, что я и на этот раз ограничусь выразительным взглядом...

Впрочем, уж он-то мне был обеспечен! Н-да-а-а, а ведь это первый случай, когда меня столь активно ненавидят. Правда, пусть уж она лучше злобно зыркает в мою сторону из-под длинной светло-русой челки, чем подсылает дурных на голову подруг травить Рейна крысиным ядом. Безуспешно, правда, но сам факт...

Я уже хотела обойти несостоявшуюся соперницу по широкой дуге, когда она молча метнулась ко мне, выхватывая что-то из-под свободной ветровки, брошенной поверх платья. Тускло блеснуло лезвие ножа, вспоров плащ, позаимствованный у знакомого ролевика гораздо больших габаритов, нежели я, и посему висевший на мне, как на вешалке. Я ша-

рахнулась в сторону, чувствуя, как левый бок обожгло резкой болью. Разбираться, насколько серьезно ранение, времени не было. Как говорил тренер в секции самбо, куда я успела походить всего полгода, пока та не закрылась, первоначально обезвредьте нападавшего, а потом уже подсчитывайте синяки.

Посему пришлось перехватывать правую руку девушки и останавливать левую, занесенную для удара кулаком.

А дальше уже отработанный в секции комплекс ударов, который тренер Николай Алексеевич умудрился вдолбить нам до уровня рефлекса: резкий удар коленом в живот или выше, так, чтобы человек согнулся пополам, и добивание ребром ладони по затылку... Вот только я не думала, что с перепугу ударю так сильно – не смягченно, как в тренировочном спарринге, а от всей души, а руки-то у меня после занятий с мечами сильными стали.

От удара по затылку Чийни мешком повалилась на землю, уткнувшись лицом в толстый ковер опавших листьев, а я так и замерла, глядя на деяние рук своих. Вроде бы не убила – хруста костей слышно не было, значит, все-таки вырубил. На всякий случай я проверила пульс на шее девушки – сесть за непреднамеренное убийство мне не хотелось ни капельки, к тому же из-за нее. Пульс бился сильно и четко – жить будет, только голова поболит, когда очнется.

Задетый бок напомнил о себе резкой стреляющей болью, и я, внутренне дрожа, откинула в сторону полу спасшего мне

жизнь плаща. Если бы его на мне не было, то Чийни бы не промахнулась, но широкое полотно хорошо меня скрывало – девушка била почти вслепую, поэтому наверняка только поцарапала.

Я шустро развязала длинный витой шнур, заменявший пояс, и, подняв подол окровавленной рубашки, с облегчением вздохнула – действительно, всего лишь царапина. Довольно глубокая и длинная, но все-таки не серьезная рана. А вот рубашку придется чинить, хорошо, что не выбрасывать, а то жалко собственного труда – две недели вышивала!

С такими мыслями я недолго думая выудила из самодельной наплечной сумки относительно чистый носовой платок и, сложив его пополам, закрыла им царапину, прилепив на краях кусочками пластыря, который таскала с собой на тот случай, если будет мелкая ссадина или натру ноги в игровых полусапожках. И уж точно – не предполагала, что придется его использовать именно так.

Девушка на земле застонала, и я быстро подняла нож, выпавший из ее руки после моего удара. Не хватало еще, чтобы она меня добить захотела. И что с ней теперь делать? На полигон точно выпускать нельзя: очнется, решит, что терять ей больше нечего – и тогда мне может уже так не повезти. Вывод – надо сдать ее в мастерятник, а там пусть уже мастера разбираются, какой умник притащил ее на игру и куда ее девать. Потому что заявление в милицию я на нее точно напишу. А вот маме пока лучше не говорить – так сглазит, что

мало не покажется. Вернее, сделает так, что ей воздастся по принципу «око за око», а это даже я считаю несколько жестоким.

А как тут у нас пленяют по игре? Не зря же с собой этот шнур-пояс таскаю, который на самом деле – хорошая веревка! Морские узлы меня научили вязать в кружке макраме, а связывать руки я переняла у брательника, когда мы с ним играли в казаков-разбойников с деревенскими ребятами и приходилось «брать пленных». Поэтому запястья девушки я стянула меньше чем за полминуты, да так лихо, что сама точно не развяжется, и хорошо, если в мастерятнике узел распутают, а не разрежут. Не хотелось бы столь удачного пояска лишиться...

М-да, и что, мне ее теперь волоком полкилометра тащить?

Ну, ростом девушка невысокая, и что с того? Сорок шесть килограммов живого веса для меня – это все-таки многовато. А сейчас она в себя придет, и тогда я ее вообще не дотащу, потому что второй веревки у меня нет, а шнурков на ботинках у нее не было – только застежки.

Спасла ситуацию Ирка, выскочившая из-за деревьев с радостным воплем:

– Я все-таки обнаружила тебя, мятежная эльфийка! Готовься к позорной казни!

– Ир,– устало заявила я, держась за бок,– помоги эту ненормальную до мастерятника допереть, а?

– Так, что она успела сделать? – моментально посерьезне-

ла подруга, подходя ближе.— Вот, оставь тебя в одиночестве на пятнадцать минут — сразу же в проблему влезешь...

— Поцарапала малость.— Я отодвинула полу плаща, демонстрируя небольшое кровавое пятно на рубашке.— Да не дергайся, правда царапина! — заверила я Ирку, которая уже нехорошо посмотрела в сторону медленно приходящей в себя девушки.— Надо будет отдельное спасибо за одолженный плащик владельцу сказать — из-за него промазала. Теперь понимаю, почему в средневековье такие плащи были в моде. Пока сообразишь, где складки, а где цель...

— Не, я ей точно мозги вправлю. Попозже,— «ласково» пообещала подруга, берясь за связанные запястья Чийни и довольно бесцеремонно потащила ее напролом сквозь кусты по кратчайшей дороге к мастерятнику.— Ксель, ты-то хоть не отставай, а то мало ли, вдруг «на дело» она не одна пошла...

Мастерятник встретил нас полным игнорированием — Рейн воодушевленно о чем-то спорил с главмастером игры, а остальной ведущий состав сгрудился рядом, время от времени вставляя деловые и не очень реплики. Не знаю, сколько длился бы этот бардак, но Ирка рывком приподняла Чийни за связанные запястья и гаркнула натренированным на семи-классниках голосом:

— Народ, а ну, слушайте сюда! Кто додумался пропустить на полигон ненормальную с холодным оружием, а?

Ребята заткнулись не сразу, а Рейн обернулся, продолжая фразу:

– А я говорю, что чиповки на оружие... Так. Что случилось?

– А ты у своей подружки спроси! – возмущенно выдала Ирка, отпуская Чийни.– Кто ее привести додумался, а? А ножик у нее отобрать слабо было, если даже невооруженным взглядом ее неадекват заметен? Кстати, колитесь, с кем сейчас походная аптечка гуляет?

– С Моритаром вроде как... – на автомате выдал главмастер.– А зачем?

Более дурацкого вопроса, как мне кажется, задать было попросту невозможно. Посему я просто стащила плащ с плечи, и, красноречиво подергав за дырку на рубашке с небольшим пятном крови, пояснила:

– Потому что носовой платок в качестве повязки малость неудобен. А еще хотелось бы продезинфицировать то, что есть! Еще вопросы?

Надо было видеть глаза Рейна, когда я продемонстрировала «боевое ранение». Пахнуло ледящим холодом, от которого у меня по коже мурашки затеяли внеплановый марш, и зрачки его на миг дрогнули, вытягиваясь в вертикальную щель.

А это что такое?

Нет, я прекрасно понимаю, что я не единственная ведьма в Москве, но никогда не думала, что Рейн тоже принадлежит к нашей братии! Почти полгода встречаюсь с человеком – и на тебе, выясняю, что он тоже как-то связан с сумеречным

миром. Жаль, что Анастасия так и не научила меня смотреть истинным зрением, иначе я сразу бы поняла, к какой стороне принадлежит человек, о котором, как я думала, я знала почти все. Странно, что я не ощущала в нем себе подобного...

А он уже стоял рядом, бережно прижимая к себе, и сердце его билось часто-часто, как будто он перепугался за меня сильнее, чем старается не показать. Похоже, что в ближайшее время у нас состоится серьезный разговор на тему сверхъестественного...

Глава 4

За каким лешим походная аптечка «сделала ноги» вместе с Моритаром на другой конец полигона, выяснилось довольно быстро – оказывается, кому-то из ребят капитально «прилетело» по голове текстолитовым клинком, из-за чего было проще донести аптечку до пострадавшего, чем наоборот. Ну скажите на милость, кого к кому легче доставить – человека в кольчуге, у которого после удара по лбу в глазах двоится и вообще голова кружится, или же относительно небольшую походную аптечку, представляющую собой чемоданчик? Правильно. Поэтому и Моритар, и средства первой помощи были как раз в нашем лагере.

Эх, кабы знала заранее – сразу туда и пошла бы.

Ехидный внутренний голос тотчас добавил, что «кабы знала заранее», то по кустам без сопровождения не стала бы лазить.

– Ксель, покажи, что там у тебя? – мягко попросил Рейн, осторожно убирая мои руки от прорехи на рубашке. – Да не бойся ты, большее уже не будет, я только посмотрю.

– А я не боли боюсь, – тихонько ответила я, тем не менее позволяя поднять подол и выставляя на всеобщее обозрение уже пропитавшийся кровью тонкий носовой платок.

– А меня тем более бояться не надо, ты же знаешь, что тебе я ничего не сделаю. – Он аккуратно отклеил один из пла-

стырей и нахмурился, глядя на длинную и довольно глубокую царапину, которая пересекала бок. Н-да, не будь плаща – мне бы качественно и безапельляционно распорол живот, после чего, ведьма я там или нет, а жить оставалось бы минуты три от силы.– Так. Повезло тебе, Ксель, – за недельку-другую заживет...

Как я поняла, подтекст был примерно следующего содержания: «Вот сейчас тебя перебинтую, успокою – и пойду разбираться с Чийни». Каким образом он собирается выяснять отношения с темной ведьмой, зло зыркающей на нас из-под челки, я уже даже представить не могла. Обычный человек ограничился бы заявлением в милицию, ну, еще, может быть, промыл мозги путем профилактических пощечин, но у простого человека зрачки не вытягиваются в вертикальную щель. От него не плещет ледяным ветром, в котором угадываются обжигающе горячие искры...

И что он мог сделать темной ведьме, которая хотела меня убить, я даже предположить не рискнула. Но на сегодня мне крови хватило, к тому же она не стоила того, чтобы Рейн запятнал свою душу темными подпалинами злых дел. Поэтому единственное, что мне пришло в голову, – это схватиться за бок и слабым голосом попросить либо меня перетащить к аптечке, либо Моритара вместе с ней ко мне, потому что разговоры разговорами, но мне не улыбалось подхватить какую-нибудь заразу. Ирка, не размениваясь на охи-ахи, скрылась в кустах со словами, что «сейчас я этого Айболита ку-

черявого приведу», а меня усадили на ближайшее поваленное бревно.

Рейн присел на корточки передо мной и, взяв мои ладони в свои, заглянул в глаза:

– Слушай, я не хотел тебя пугать, честное слово. Я не думал, что ты заметишь.

– А как это было не заметить, а? – Я говорила тихо, но, оказалось, он меня все равно услышал.

– Вообще-то обычные люди не заметили бы... Ксель, ты тоже?

Я запнулась, не торопясь отвечать на заданный вопрос, и посмотрела в сторону Чийни, которую двое ребят уже готовились сопроводить от полигона до ближайшего отделения милиции. Ну и пусть, лишь бы Рейн этим не стал заниматься, потому что вмешается он – и все однозначно закончится очень немирно. Хорошо хоть, мобильники никто не отменял, и связаться с отделением милиции в ближайшей деревне, до которой всего-то пара километров по лесу, можно было без проблем. Ребятам оставалось только вывести девушку к автомобильной дороге, проходившей недалеко от полигона, – и все дела.

К сожалению, отмолчаться мне так и не дали – а я и забыла, что наш мастер по боевке такой же упрямый, как и я. Я-то вообще докопаюсь до всего, что мне нужно. Подозреваю, такой талант «убеждающего инквизитора» у меня в генах заложен, ничем иным это объяснить не удавалось. А те-

перь выясняется, что и Рейн мне уйти от ответа не даст.

– Ксель?

– Тут я! – бодро отрапортовала я, но тотчас сникла под донельзя серьезным взглядом темно-карих глаз.– Ну и я вроде тоже. Только почти ничем не занимаюсь. Видимо, дар какой-то кривой достался, потому что ничего толком не умею.

– Но *видеть* ты можешь,– уверенно подвел итог Рейн.– А это уже что-то.

– Слушай, давай в другой раз об этом поговорим, ладно? – тихо попросила я.– Не до того мне сейчас, веришь?

– Верю... О, кстати, а вон и Моритар с аптечкой!

В поле зрения объявился наш Айболит, так не вовремя утащивший медикаменты из мастерятника, подгоняемый встревоженной Ирккой. Увидев меня, в черном широком плаще больше напоминающую нахохлившуюся облезлую ворону, он быстро пересек поляну и, сгрузив аптечку у бревна, деловито поинтересовался:

– Так, Ксель, что у тебя тут?

– У нее тут ножевое ранение,– ответил за меня Рейн, отпуская мои руки и помогая Моритару открыть аптечку.– Неглубокое, к счастью, но, если воспалится, радости не будет совсем никакой. Слушай, где тут у тебя перекись водорода лежит?

– С краю посмотри, там небольшая бутылочка с наклейкой, на русском языке, между прочим. Читать, надеюсь, умеешь?

И с чего все сегодня такие нервные, а? День, что ли, такой, планеты неправильно выстроились и вообще карма хромает? Будь тут Анастасия, она живенько бы объяснила, где тут что не так. Хотя, если даже такая бездарь, как я, ощущает волны злости, идущие от Чийни, то неудивительно, что все вокруг столь неадекватными стали. Не будь тут нервным, когда темная ведьма фонит, как ядерная боеголовка...

– Ксель, подними рубашку, дай посмотрю, что тут у тебя?

– Да смотри, пожалуйста, мне не жалко, – вяло кивнула я, мысленно надеясь, что это все побыстрее закончится.

Еще одна моя личная «фенечка» – все, что я высказываю вслух и с чувством, обычно сбывается с точностью до запятой, поэтому частенько приходится себя одергивать, чтобы не сболтнуть лишнего, а потом не мучиться. Со временем приучилась желать людям только хорошее, плохое не упоминать совсем, а уж проклинать – тем более. Сбудется ведь, а потом по мне же откатом и проедется.

Откат – это зачастую крайне неприятная вещь, а конкретно – некий энергетический бумеранг, который срабатывает всегда, то есть даже чаще, чем пресловутый закон подлости. Это своего рода плата за любое деяние, совершенное ведьмой. Скажем, не зря есть поговорка: «Все, что ни делается, вернется к вам». Тут то же самое. Любое действие, которое связано с той или иной силой, используемой ведьмой, возвращается обратно троекратно. И хорошо, если сделали что-то доброе, а вот утреннее проклятие, бьющее по той, кото-

рая его и наслала,— вещь крайне малоприятная. Еще один минус отката в том, что мне, как ведьме в энном поколении, вовсе не обязательно читать какой-нибудь заговор, совершать «шаманские пляски при полной луне» и заниматься прочей ерундой. У меня Силу имеют слова, мысли, образы. И пусть я не умею сделать так, чтобы мелкие случайности играли мне на руку, гадать на картах и грамотно отбиться от разного рода посягательств на мое личное биополе, зато слова высказанного вслух желания имеют вес хорошо составленного и правильно произнесенного заклинания...

Тем временем Моритар отклеил пластыри, удерживающие окровавленный платок на порезе, и тихо присвистнул.

— Слушай, а неслабо тебя порезали. Благо, что воспаление не началось — сейчас промоем, заклеим, и все будет хорошо. Надеюсь, ты вида крови не боишься и в обморок не падаешь?

— Не падаю, не волнуйся,— обнадежила я приятеля, на всякий случай не опуская глаза, чтобы не видеть, как мне производят «операцию». Почему-то, когда смотришь на царапины во время обработки, они болят еще сильнее. А сейчас адреналин в крови стал утихать, боль начала ощущаться все сильнее и явственней.— Ребят, ну вы хоть делайте свое дело побыстрее, очень прошу. Долго мне тут еще си...

Договорить я не успела, поскольку Рейн безапелляционно плеснул перекись на царапину, так что окончание фразы превратилось в нечто малоразборчивое, но на диво эмоциональное. Матерное. Попролам с приглушенным шипени-

ем. Пока я высказывала все, что наболело, Рейн успел вытереть стекающую по боку перекись, чтобы она не намочила пояс штанов, и теперь аккуратно отирал кровь вокруг царапины, пока Моритар выискивал в аптечке стерильные марлевые салфетки и широкий пластырь, чтобы эти самые салфетки не сползали. К тому времени я уже успела более-менее успокоиться и выдала первое цензурное слово, обращенное к Рейну:

– С-с-с-сади-и-ист! Чтоб я тебе еще раз доверила себя перевязывать!

– Зато быстро, – спокойно отозвался тот. – Или ты предпочла бы, чтобы тебе медленно и аккуратно возили тряпочкой, смоченной в перекиси, по царапине?

Я подумала и пришла к выводу, что вариант номер два, предложенный Рейном, был еще более садистским, но признаться в этом ехидному мастеру по боевке? Да ни в жисть!

Окончание игры вышло каким-то скомканным. Я откровенно забила на последний этап, отсиживаясь в палатке Рейна в компании Рийки, которой в общем-то тоже было глубоко фиолетово относительно игры на мирной территории. Одно дело, когда идет боевка, и совсем другое – отыгрыш королевского бала, на котором присутствовали и победители, и побежденные. К счастью, роли у нас с Рийкой были не настолько ключевыми, чтобы наше участие было нужно для сюжета, так что мы вполне могли и отдохнуть. Уехать раньше я категорически отказалась, мотивируя это тем, что ца-

рапина не настолько серьезна, чтобы из-за нее отправляться домой в три часа дня, к тому же пилить в гордом одиночестве вначале через лес, потом ехать на электричке... В общем, Рейн тут был еще нужен, без него трогаться в путь мне было беспокойно, и в итоге я осталась.

Пока мы с Рийкой сменили ролевую одежду на обычную, пока я собрала игровое оружие обратно в чехол, народ начал постепенно расплзаться по лагерям, начав сворачиваться. Рейн появился, как обычно, довольно неожиданно и, выгнав нас с подругой из палатки, принялся упаковывать свой походный рюкзак.

Я немного понаблюдала за этим процессом, а потом все-таки попыталась хоть как-то организовать сбор нашей компании. Все-таки раз уже приехали вместе, то и уезжать надо точно так же. Кроме того, обратные билеты все равно брали на одно и то же направление, а, зная медлительность наших, я считала, что лучше уж их поторопить, чем потом печально махать вслед ушедшему поезду и ждать следующего в течение часа.

И правильно считала. Потому что с полигона мы ушли только часов в пять вечера. По идее, вовремя, но очень уж мне надоело подгонять всех и каждого угрозами, что поезд-то ждать нас точно не будет, он – не я, у него расписание есть. Но, как ни странно, на дорогу от полигона до платформы мы затратили на порядок меньше времени, чем было наоборот. И почему бы?

Когда впереди уже замаячил просвет и послышался стук колес подъезжающей электрички, почти стемнело, и народ, увешанный рюкзаками и чехлами, из которых выглядывали рукояти мечей, в сумерках выглядела по меньшей мере странно. Первое время ребята, уже прослышавшие о происшествии на полигоне, так и норовили конфисковать у меня рюкзак и чехол с арсеналом, и вернуть только у подъезда родного дома, но я весьма успешно отбивалась, не горя желанием строить из себя инвалидку. Все-таки в двадцать первом веке от небольшой царапины еще никто не умирал, разве что в условиях тропических джунглей, где микробы размножаются со скоростью света.

Да, в чем-то я феминистка. Да, я не считаю правильным, когда девушка начинает шумно стенать по поводу сломанного ногтя, требует нести ее на руках, если путь занимает больше полукилометра, а если на ней обувь на каблуках – то начиная от самого подъезда. Да, я утрирую, конечно, но до сих пор считаю, что если ребята расчищают место для пикника во время выездов на природу, то девушка не должна сидеть сложа руки, будто бы оттащить нетяжелую ветку в сторону – не женское дело. Все-таки я воспринимаю женщину как подругу мужчины, которая равна своему возлюбленному, пусть в чем-то она его слабее, но в чем-то и сильнее.

И именно поэтому сейчас я, глядя на Рейна, который спокойно нес помимо оружия еще и палатку в здоровенном рюкзаке, я упорно тащила свой чехол, который, как мне каза-

лось, делался тяжелее с каждым шагом. Поэтому, когда впереди замаячила платформа, я вздохнула с явным облегчением, радуясь возможности наконец-то скинуть тяжесть с плеча и отдохнуть. Рюкзак, болтавшийся на спине, практически не мешал. В нем ведь не бренчали дюралевые клинки, а покоилась одежда, спальник и все прочее, объемное, но, в принципе, не тяжелое.

Электричке, которая подкатила точно по расписанию, я возрадовалась, как долгожданному спасению...

Мы с Рейном медленно шли по пустому переходу недалеко от «Авиамоторной». Оба молчали, потому что обоим наверняка хотелось сказать очень многое, но просто не знали как. Тяжелый чехол с тренировочным оружием уже успел окончательно оттянуть мне левое плечо, но попросить Рейна забрать его у меня банально гордость не позволяла.

Нет, ну надо же! Полгода уже знакомы – и ни словом не обмолвился на тему, что сам энергетик. Хотя я тоже хороша – упорно молчала про свою семью, даже не намекая на то, что моя мама, так радушно принимавшая нас после очередного концерта или поздней тренировки у меня дома и всегда поившая горячим чаем, – ведьма со стажем, светлая, но все-таки, несколько необычно было бы видеть, как она играет с огнем свечи, заставляя его то вздыматься на два десятка сантиметров, то почти гаснуть. А тут выясняется, что Рейн тоже из нашей братии.

Но если у меня никакого дара нет, кроме повышенной ин-

туиции, что нормально даже для самой никудышной ведьмы, то Рейн – это вообще что-то непонятное с невообразимым потоком силы. Настолько этот поток непонятен и неоднороден. Как река Стикс, в которой переплетаются прошлое, настоящее и будущее, так в Рейне сплетались, заменяя друг друга, свет, тень и густая тьма. И этот клубок силы как-то существовал в одном человеке, создавая из него что-то совершенно невероятное.

Я не могу читать мысли, но его я чувствовала почти как себя. Это-то меня и удивляло до сих пор – знаю человека всего с полгода, а уже его сильные эмоции ощущаю как свои...

– Ксель, пожалуйста, не надо так.

– Что не надо? – моментально ошетибилась я, глядя на Рейна снизу вверх.

– Не надо казнить себя. Когда больно тебе – больно и мне, понимаешь?

– И с чего бы это, а? – Я остановилась и скинула чехол на каменные плиты перехода, поморщившись от боли, кольнувшей бок. Царапина, которую мне оставила Чийни, почти не болела, что было странно, но радостно. В любом случае – приду домой, мама ее быстренько зашепчет – за три дня зарастет.

Рейн замолчал, пристально вглядываясь в мое лицо, я же отвернулась, глядя на ряд ларьков, закрытых прочными жалюзи. Ну, время позднее, народа в этом переходе нет вообще – кто будет шляться в десять вечера по нему в воскресенье?

Правильно, только ролевики вроде нас или еще какие-нибудь «романтики», которым дома не сидится. А ведь осень, темно и холодно уже. Если днем еще было тепло, местами даже жарко, то ближе к ночи температура упала на десяток градусов и на улице стало откровенно холодно, так, что у меня кончики пальцев замерзли, несмотря на кожаные перчатки с шерстяной подкладкой.

А еще не шел из головы тот самый странный сон. Вернее, не совсем сон, а бред, который мне привиделся, когда я упала в обморок на полигоне. Нет, ну надо же было такому привидеться: какой-то холм, битва с существами, которых современные толкиенисты обозвали бы либо гоблинами, либо орками. До троллей они комплекцией не дотягивали.

И Рейн, рассекающий врагов вокруг себя не сверкающим клинком, а острыми краями широких «крыльев», больше похожих на обрывки черного шелка, но эти «обрывки», на несколько метров раскинувшиеся над его головой, разрезали истошно вопящих «гоблинов» вернее косы Смерти. Хотя, кто сказал, что у Смерти должна быть именно коса? Может, у страшной тетки тоже крылья с рваным острым как бритва краем?..

Но почему именно я вызвала к жизни весь этот кошмар? Почему на мой зов откликнулся Рейн, за несколько секунд в одиночку выкосивший роту врагов, залив холм кровью, а потом опустившийся передо мной на одно колено и предложивший мне все? Фактически бросил мир к моим ногам, по-

тому что, как мне тогда показалось, пожелай я этого, он его завоевал бы. Просто так, потому что ему понравилось, как падали на пологий склон холма окровавленные тела людей, как с острых краев черных «крыльев» стекали маслянистые темные капли с еле ощутимым запахом железа. Он ведь даже мечом не воспользовался...

И это была всего лишь малая толика того, что он может. Просто слишком быстро «закончились» враги, чересчур слабыми для него они были. Возможно, если бы он столкнулся с кем-то равным ему по силе и возможностям, то я увидела бы его во всей красе. Правда, сомневаюсь, что в таком конце света в локальном масштабе хоть кто-то выжил бы.

А вообще – чего это меня на эту тему так пробрало? Возможно, это было просто мое личное видение, так сказать, персональный глюк, а спросить у Рейна, видел ли он то же самое, мне было неудобно. Да и не до того как-то...

В груди противно защемило, а в ушах словно зазвенели тревожные колокольчики. Я вздрогнула и, отмахнувшись от Рейна, посмотрела туда, где стоял самый крайний ларек. Чем он мне не понравился – кто его знает, но взгляд к нему притянуло как магнитом. Что-то звякнуло, потом стихло.

– Ксель, что с тобой? – Рейн осторожно коснулся моего плеча, но я не прореагировала. Я, как замороженная, смотрела на одну точку на ларьке, а тревожные колокольчики звенели все громче и отчаянней.

Прогремевшему взрыву я почти не удивилась.

Ларек просто разнесло вдребезги. Полетели осколки стекла, покореженные полосы стальных жалюзи...

Время словно замедлилось, как тогда, в том сне. Только на этот раз все было наяву. Рейн успел толкнуть меня на пол так, что я больно приложилась затылком о холодный камень перехода, сам упал сверху, разбивая локти о каменный пол, чтобы не придавить меня, закрыв собой, а потом осколки долетели до нас.

Грохот взрыва протолкнулся в уши, повеяло жаром, и нас накрыло обжигающей волной, словно взорвался не ларек, а баллон со сжиженным газом. Я успела только зажмуриться и до боли в пальцах вцепиться в куртку Рейна, прикрывшего меня собой, но, похоже, этим он не спас бы ни меня, ни уж, тем более, себя...

Когда время почти остановилось, а меня окатило теплой, ласкающей волной, совсем не похожей на жар пламени, мелькнула мысль, что умру я, как настоящая ведьма – на костре.

Я распахнула глаза и поймала собственное отражение в донельзя расширившихся зрачках Рейна: лицо, на котором пылают две бело-золотые звезды. Мама, похоже, ты гордилась бы мной, потому что это означает, что я наконец-то сумела призвать Свет на помощь, что откликнулась высшая сила, охраняющая меня. Как если бы ангел-хранитель находился совсем рядом...

А потом все затопил золотистый свет, в котором исчез и

каменный пол, и летящие в бешеном вихре осколки, и уже затухающее пламя, сквозь которое проглядывал закопченный, почерневший потолок. Не стало ничего, кроме Рейна, в которого я вцепилась мертвой хваткой, утягивая куда-то за собой.

Куда угодно, но подальше отсюда... Куда угодно, только не на тот свет...

Прохладный ветерок с ароматами луговых трав пощекотал мое лицо, яркий солнечный свет резанул по уставшим глазам, а в довершение всех радостей жизни Рейн, вольготно расположившийся на мне, словно стал килограммов на пять тяжелее. Мне и изначально-то не очень легко было, а уж сейчас я сумела только полузадушенно прохрипеть что-то вроде: «Рейн, слезь с меня наконец, ты тяжелый!» Тот перевел на меня совершенно ошарашенный взгляд, но у меня не было абсолютно никакого желания хоть как-то осознавать случившееся, поскольку инстинкт самосохранения требовал одного – снять с себя поскорее эту тяжесть, иначе я задохну-у-у-ушь! Кажется, до Рейна наконец-то дошло, что подобная поза – не лучшая для подробного анализа сложившейся ситуации, посему он скатился с меня, а я наконец-то сумела вздохнуть полной грудью.

Только для того, чтобы этим самым долгожданным воздухом поперхнуться, потому что мир вокруг радикально сменил очертания!

По-летнему яркое солнце стояло над головой, радостно

освещающая синее небо с белыми кучевыми облаками, панораму, поражающую множеством оттенков зеленого. Оказывается, мы сидели на небольшом холме, покрытом высокой травой, а дальше простирался густой лес, по вершинам деревьев которого гулял ветер, создавая своеобразные волны. Где этот самый лес заканчивался – одному богу было известно, но уж никак не мне, поскольку бинокля у меня не было, а со своей близорукостью я могла только заключить, что лес этот раза в два больше Лосинога Острова.

– Ксель, скажи честно, ты тоже это видишь, или меня все-таки глючит? – озадаченно пробормотал Рейн, сидевший рядом. Я наконец-то перевела взгляд на товарища по несчастью, и челюсть у меня отвисла в очередной раз за этот день.

В чем Рейн шел по переходу? В темно-синих джинсах, черном свитере, светлой ветровке и туристических ботинках. А что на нем было сейчас? Костюм, от которого настолько веяло историчностью, что любой мало-мальски продвинутый реконструктор изошел бы слюной от зависти! Я окинула взглядом штаны из плотного черного сукна, шерстяной темно-зеленый плащ с капюшоном, расшитый неброским орнаментом, больше напоминающим какую-то руническую вязь. Из-под него выглядывал рукав кожаной куртки с какими-то заклепками у локтя, и я недолго думая отодвинула полу в сторону, беззастенчиво разглядывая все остальное. Да, куртка какого-то странного свободного покроя с минимумом карманов, зато с кусками толстой кожи на груди, при-

клепанными на манер заплаток, которые наверняка служили дополнительной защитой. Под курткой оказалась простая рубашка из отбеленного льна со шнуровкой. Потрогав ее, я окончательно убедилась, что мне это все не снится и вообще тут творится что-то за рамки выходящее. Не будь я из семьи ведьм, где к идее о «других мирах» относятся вполне серьезно, закатила бы истерику на тему «хочу домой». А так я просто с огромным интересом оглядывала изменившуюся одежду Рейна, когда тот заявил:

– Ксель, ты лучше на себя посмотри. Тоже мне, дивная эльфийка...

Каюсь, первым делом я схватилась за уши, проверяя их на предмет заостренности. Уши, к счастью, оказались моими собственными, сережки, как ни странно, тоже, а Рейн только страдальчески вздохнул:

– Да ты лучше на одежду посмотри, чудо в перьях!

И я дивилась наряду Рейна? Не-е-ет, в моем случае некая сила поиздевалась изощренней, чем над ним, – у того хоть костюм не бросался в глаза, чего нельзя было сказать о моем. Мне досталась изумрудно-зеленая шерстяная туника длиной ниже колена со шнуровкой на груди и разрезами на боках почти до пояса, которые тоже скреплялись шнурками примерно до середины бедер. Черные широкие штаны, заправлявшиеся в мягкие полусапожки с острыми носами, нареканий не вызвали, но вот темно-зеленая, почти черная рубашка из непонятого материала, больше похожего на тонкий лен,

меня убила. Почему? Да потому что если широкие, почти до локтя, плотные манжеты мое ощущение моды еще как-то воспринимало, то вот рукава чуть ли не «парашютом» – это уже перебор.

– Слушай, а что с нашими вещами стало? – запоздало спохватилась я, не ощутив на спине уже ставшей привычной тяжести рюкзака.

– Если ты говоришь об этом, – Рейн приподнял с травы светло-бежевую кожаную сумку, больше похожую на хозяйственную авоську на длинном ремне через плечо, – то, похоже, это они и есть. По крайней мере, это твое.

– И как ты это определил? – ехидно поинтересовалась я, принимая из рук Рейна сумку и тотчас с интересом закапываясь в нее. Деревянный гребень, пара черных перчаток и что-то завернутое в светлую ткань. Похоже, просто сменная рубашка – кто знает. Негусто.

– А моя размером побольше, – ответил он, демонстрируя сумку побольше и потемнее, на которой, в отличие от моей, не было никаких узоров. Проверять содержимое мы пока не стали, потому что рядом с сумками обнаружилось два свертка. Мы с Рейном переглянулись и одновременно принялись разворачивать.

– Кажется, я поняла, куда наше ролевое оружие делось, – задумчиво протянула я, вытягивая из ножен узкий, чуть изогнутый клинок с причудливой гардой. То, во что превратилась моя дюралевая катана. Только лезвие стало чуточку по-

короче, да и сам клинок оказался несколько тяжелее обычного ролевого меча. Впрочем, рукоять для моих ладоней была достаточно длинная, чтобы я могла держать меч двумя руками.

В том же свертке я нашла пару тонких коротких клинков с вычурной гардой – похоже, это то, что осталось от моих стальных саев. Я взвесила один из них в руке и с удивлением обнаружила, что вес почти не изменился – разве что баланс стал намного лучше. Лезвие казалось настолько острым, что я как-то опасалась касаться его незащищенной рукой, а тончайшая гравировка в виде язычков пламени вилась вдоль почти до самого острия.

– Красота, – выдохнула я, глядя на это чудо кузнечного дела, когда Рейн поднялся и сделал пару пробных взмахов ба-стардой.

Воздух свистнул, разрезанный острейшим лезвием, блеснул металл клинка, поймавший лучик солнца, а Рейн довольно улыбнулся, откидывая длинные каштановые волосы назад и убирая меч в напоясные ножны, которые он уже по-хозяйски приладил у себя на талии. Я только присвистнула и показала оттопыренный большой палец, не находя слов. Товарищ по несчастью улыбнулся еще шире, подбирая с травы мой клинок и разглядывая ножны.

– Ксель, похоже, тебе повезло – ножны-то наспинные, как ты и любишь.

– Н-да? – недоверчиво протянула я, поднимаясь и подходя

к Рейну.— Думаешь, я смогу вытащить такой клинок из-за спины?

— А почему нет? — Он уже помогал прилаживать меч, терпеливо дожидаясь, пока я застегну пряжки.— Он не длиннее твоего одноручника, а его ты как-то вытаскивала.

— Тоже верно,— согласилась я, обнаруживая, что короткие парные клинки, или же просто длинные кинжалы, крепятся на бедрах. Ну, в игрушку «Томб Райдер» я играла и то, как там у главной героини крепились пистолеты, видела, а тут система оказалась один в один.

В процессе закрепления ножен я наклонилась, и на лицо мне упала прядь, которая, видимо, высвободилась из хвостика, стянутого на затылке. Я уже машинально подняла руку, чтобы убрать ее от лица, когда поняла, что меня смутило — прядь была цвета свежесвыпавшего снега! Не поняла-а-а-а!!

— Ре-е-е-е-ейн! — Протянула я с нотками зарождающейся паники в голосе.— Какого цвета у меня волосы??

— Ну-у,— замялся тот.— Ксель, они у тебя слегка посветлели...

— Что? Это ты называешь «слегка посветлели»? — Я стянула с волос тонкий кожаный шнурок, заменивший более привычную резинку, и поднесла к глазам пряди, доходившие мне до лопаток. Как я и боялась, они тоже были снежно-белого цвета.

Поседела, блин...

И как же я должна была перенапрячься, если волосы вы-

белило так, словно я два часа выдерживала их в обесцвечивающем составе?!

– Так.– Рейн шагнул ко мне вплотную и, встряхнув, заставил смотреть себе в глаза.– Ксель, хватит паниковать, ладно? Во-первых, это тебе идет, а во-вторых, вернешься домой и перекрасишься так, как тебе больше понравится, я лично тебе краску для волос куплю, какую скажешь, или свожу в парикмахерскую. Сейчас тебе тут истерика не нужна, веришь?

– Верю. Но очень уж хочется,– прорыла я, понимая, что Рейн в общем-то прав. Психовать в подобной ситуации из-за цвета волос – это, конечно, чисто по-женски, но все-таки хотелось бы надеяться, что можно обойтись без подобных проявлений «женственности».– А когда нельзя, но очень хочется, то можно!!

– Можно, но не нужно,– улыбнулся он, отстраняясь и нажимая на кончик моего носа, как на кнопку дверного звонка.– Ты не переживай, выберемся. Это же логично, что раз уж попали сюда, то как-то можно вернуться обратно.

– Знаешь, у меня по жизни с логикой обычно проблемы, а в моей семье эта наука вообще воспринимается как нечто мешающее творческому процессу,– хмыкнула я, аккуратно разрезая одним из набедренных клинков слишком длинный кожаный шнурок пополам и принимаясь заплетать косички на висках. Если уж каким-то макаром стала походить на беловолосую эльфийку, то неплохо было бы хоть как-то соответствовать образу.

Рейн порылся в сумке и, выудив оттуда пару черных перчаток с тиснением, изображавшим стилизованного дракона, немедленно надел их и стал терпеливо дожидаться, пока я закончу возиться с волосами. Честно говоря, до сих пор не понимаю его страсти носить перчатки даже тогда, когда тепло, но вмешиваться в это не считаю разумным. И вообще, один из моих жизненных принципов – живи и дай жить другим. Пока привычки окружающих не мешают мне лично, я не считаю нужным пытаться хоть как-то их скорректировать под себя. Здесь – то же самое. Хочет Рейн ходить в перчатках даже летом – его право...

– Ну что, идем? – поинтересовалась я. – Знать бы только куда...

– Ты тропинку видишь? – в тон мне ответил товарищ, указывая куда-то влево. Как раз там проходила неплохо вытоптанная дорожка, пересекавшая луг и скрывавшаяся где-то за деревьями. – Похоже, ее все-таки протоптали люди. А в никуда с таким постоянством люди не ходят. Значит, и мы пойдем – куда-нибудь да выйдем, а там постараемся выяснить, куда нас занесло.

– Непризнанный гений, – фыркнула я, тем не менее устремляясь вслед за Рейном по тропинке, ведущей в лес.

По мере того как мы удалялись от холма, лес становился все гуще, причем мне казалось, что он обступает нас со всех сторон с какой-то нехорошей целью. Впрочем, заблудиться я не боялась, как и потерять из виду Рейна, размеренно шед-

шего на несколько шагов впереди и несколько настороженно оглядывавшегося по сторонам. Рукоять клинка, высывавшаяся из-за правого плеча, мешала как следует нацепить широкий плащ почти «защитной» расцветки, то есть разрисованный пятнами неизвестного происхождения, больше всего походивший на сок трав, поэтому пришлось надеть его, чуть сдвинув на левое плечо. Эх, хорошо, что я ролевик, – если в первое время, когда я только-только вступила в ролевое движение, широкий долгополый плащ мешал при ходьбе, то спустя год я перестала считать эту одежду неудобной, не снимая ее даже во время боевок.

Задумавшись о чем-то своем, я не сразу заметила, что Рейн остановился. Осознала я это только тогда, когда умудрилась врезаться ему в спину, выглянув из-за которой, поняла причину остановки.

Люди. Первые, встреченные нами в этом мире. Только вот внешний вид их заставлял отказаться от идеи выяснять, куда именно нас занесло, ибо с такими рожами только на большую дорогу выходить.

– Эй, странники, откуда будете, а? – поинтересовался один из них, самый рослый мужик с густыми усами, ненавязчиво кладя ладонь на рукоять короткого меча. Подельщики за его спиной моментально подтянулись, у двоих обозначились короткие луки. Так, а вот это уже совсем нехорошо, потому что один неверный шаг – и из нас с Рейном сделают подобие ежиков. Вывод – придется договариваться, хоть и не

очень хочется. Не люблю я разговаривать с наглецами.

Кажется, Рейн пришел примерно к такому же выводу, потому как убрал из голоса полтонны утонченного хамства и сделал первый шаг к переговорам.

– Издалека мы. Из соседнего государства. А вы кто будете, раз такие вопросы задаете?

– А мы будем из замка герцога Армея, – ухмыльнулся уса-тый, демонстрируя нашивку на рукаве грубой полотняной куртки: черный дракон, раскинувший широкие крылья на фоне багряной луны. – За порядком в этом краю следим, с дозором провинцию обходим. Сами знаете, времена сейчас беспокойные, то хадары-чернокнижники головы поднимают, ворожбу творят, то остроухие нелюди злодейства учиняют...

– Все это очень похвально, – чуть склонил голову Рейн, глядя на рослого мужика с выражением полной готовности к сотрудничеству с доблестным стражем порядка. – Но при чем тут я и моя подопечная? Мы нарушили какой-то закон?

– Ну вроде бы пока не нарушили, но кто вас знает, а? – Цепкий взгляд матерого мародера скользнул по Рейну и остановился на мне. Я, подчиняясь законам жанра, выглядывала из-за спины «охранника», наивно хлопая ресницами. Вот только бы не переборщить, а то сочтут, что у меня от волнения нервный тик прорезался. – Вот задержим мы вас, так сказать, для профилактики, общем. Ежели ничего подозрительного не обнаружим, отпустим на все четыре стороны с почестями и извинениями за возможную грубость.

– Может, без обыска обойдемся? – холодно поинтересовался Рейн, но я, войдя в образ наивной глуповатой блондиночки из анекдотов, таскающей оружие только красоты ради, ощутила, как локоть товарища, в который я вцепилась, еле заметно напрягся. Так, похоже, что пора брать дело в свои хрупкие ручки, тем более что при намеке на возможную взятку у ушлого стражника заинтересованно заблестели глаза.

– Господин капитан, – тонким, излишне дрожащим голосом проговорила я, окончательно вылезая из-за спины Рейна и глядя на рослого стражника округлившимися наивными глазами. – Вы, наверное, самый главный в этой провинции, так?

Стражник незаметно подобрался, выпятил грудь и напустил на себя донельзя важный вид, чтобы было сразу ясно, что он тут главный.

– Ну, я временно занимаюсь охраной вверенных мне лично герцогом Армеем земель.

– Значит, главный? – Я возвысила голос еще на порядок, делая шаг по направлению к мужику и все так же наивно глядя ему в глаза.

– Можно сказать и так, потому что...

Договорить он не успел, поскольку я радостно ахнула, картинно прижимая ладони к груди, и, одарив несколько изумленного мужика ослепительной улыбкой, вытянула из-за ворота туники круглый медальон на витой золотой цепочке.

Как я успела убедиться ранее, все украшения при переходе из одного мира в другой остались без изменений, значит, пластинка с голографическим «глазом» на дешевой золотой цепочке турецкого производства осталась при мне. На самом деле я подобные украшения ношу очень редко, просто на ролевку нужен был хорошо заметный «амулет от сглаза» и лучшего я ничего не нашла. Сейчас же я собиралась без особого сожаления расстаться с этим «шедевром» турецкой ювелирной фабрики.

– Вот, возьмите! – Я протянула медальон стражнику, робко улыбаясь. – Не считите за оскорбление, просто кому, как не вам, пригодится амулет, защищающий от сглаза, вы ведь охраняете эту провинцию!

– Амулет от сглаза? – Предводитель отряда под несколько завистливыми взглядами подчиненных критически оглядел предложенную ему мзду, убедился, что цепочка действительно золотая, и широко улыбнулся: – Ну, так тому и быть. Благодарю вас, миледи. Полагаю, что обыскивать вас нет нужды – сразу ведь видно, что не хадары вы, да и не из эльфьего народа.

Я мысленно с облегчением выдохнула. Кажется, пронесло.

– А куда вы путь держите, странники? – поинтересовался стражник, делая отмашку своим подчиненным, которые неохотно опустили оружие. Рейн уже хотел соврать что-то умное и, без сомнения, гениальное, но я так и не дала ему

вставить слова, ответив на поставленный вопрос совершенно честно, а от этого получилось вдвойне искренней.

– А заблудились мы. Вчера вечером свернули не на ту тропу и теперь даже не знаем, куда идти. Вы не подскажете, далеко ли до ближайшего селения? А то я вообще не смыслю, куда забрели, а мой сопровождающий говорит, что идем мы правильно, только вот непонятно куда...

– Ну, миледи, помочь вам – дело нехитрое, – ухмыльнулся мужик, подмигивая мне и надевая презентованный амулет на шею. – Пойдете по этой дороге, на развилке повернете налево – и доберетесь до деревни, она тут недалеко совсем. Старосте, если упрямиться будет, скажите, что господин Авдотий направил. Доброго пути, миледи.

Капитан стражи горделиво выпрямился и прошел мимо нас дальше по дороге, громко топая тяжелыми сапогами по земле. Подчиненные направились следом, мы же, не дожидаясь, пока «господину Авдотию» придет в голову вернуться и поинтересоваться, что за красивые рукояти выглядывают у «миледи» из-под плаща, шустро двинулись в указанном направлении.

– Ксель, скажи честно, неужели настолько необходимо было влезать со своими комментариями? – наконец-то «оттаял» Рейн, недовольно глядя в мою сторону. Я же только пожала плечами, машинально убирая за ухо выбившуюся прядку волос.

– Ну, ведь сработало, так? Значит, все в порядке.

– Да-а, а если бы он твою взятку воспринял как личное оскорбление?

– Тогда наступила бы полная лажа,— беспечно ответила я, бодро шагая по узкой дороге, больше напоминающей хорошо вытопанную тропу.— Но ведь не наступила. На самом деле, в его случае с оскорбленным видом отказываться от взятки — неумно. Зачем тратить силы на то, чтобы отнять добро у путников, если они сами готовы им поделиться? А так и волки сыты, и овцы целы.

Тут кусты неподалеку от тропинки зашевелились, и из-за них выбрался человек в свободных темно-коричневых одеждах с большой сумкой через плечо. Пожилой, но крепкий мужчина с густой окладистой бородой, в которой только-только начали пробиваться первые ниточки седины, благообразным лицом и серьезными зеленовато-карими глазами. Мы с Рейном переглянулись и уставились на новоприбывшего, а тот, в свою очередь, удивленно окинул нас взглядом и поинтересовался:

– Путники, как вас сюда занесло-то, да еще в такое время?

– В какое время? — тотчас отозвался Рейн, ненавязчиво задвигая меня за спину. Ох, сколько ж можно— тут же сразу видно, что человек не вооружен! Перестраховщик...

– А вы еще не знаете? Нежить разгулялась, только знахари да разбойники отваживаются по лесам бродить. Вы, видать, издалека — одежда-то на вас чужеземная какая-то, на эльфийскую похожа.

– Чужеземная, да удобная,– улыбнулся Рейн.– Скажите, а до деревни, о которой упомянул господин Авдотий, далеко?

– Да недалече – с полверсты через ельник,– махнул рукой тот. Похоже, что имя бдительного «стража порядка» несколько уменьшило его подозрительность.– А впрочем, давайте я вас провожу. Я знахарь в той деревне, Родомиром звать. А вы как прозываетесь, люди добрые?

– Рейн,– чуть склонил голову мой спутник, а потом представил меня: – А девушка, что под моей охраной– Ксель.

– Нелюди, что ль? – с подозрением уточнил Родомир.

– Нет, что вы! – Я откинула волосы назад, демонстрируя совершенно человеческие уши.– Имечко такое досталось, что уж теперь поделать.

– Ладно тогда,– сменил знахарь гнев на милость.– Идите за мной.

И, поправив сумку на плече, Родомир зашагал по почти невидимой тропке, убегавшей куда-то за еловые стволы...

Глава 5

Пока мы шли по узкой извилистой тропе через лес, Рейн ненавязчиво расспрашивал пожилого знахаря об окружающей местности, выясняя, куда нас занесло. А занесло нас традиционно в самую неблагоприятную часть местного континента. Конкретно – в некое небольшое государство Ранвेलин, оказавшееся между двух огней. На западе эльфийское королевство Минэрассэ все норовило поглотить его, но мешались владения герцога Армея, который был связан с некоей древней магией. Его земли как раз находились на пограничье между эльфами и людьми, но герцог пока что умудрялся удерживать позиции, не поддаваясь ни на посулы, ни на угрозы представителей старшей расы, а на открытый конфликт нелюди пока не рисковали идти.

А на севере бесчинствовали воины-хадары, неопасные сами по себе, но наводящие ужас своей деятельностью. Хадары заключили договор с сумеречным миром, и их заклинатели призывали на врагов всевозможную нечисть. Они тоже пока не объявили войну Ранвелину, но на территории государства нежить стала распространяться с пугающей быстротой. Пусть королевские маги пока что сдерживают ее, но в глухих деревеньках, затерянных в лесах, где всю магию составляют крупницы знаний травников и знахарей, появление даже одного гуля или призрака способно стать большой бедой. Эх,

Ирку бы сюда – она бы живо разъяснила, что почем в Средние века. А так приходилось не возникать без надобности и просто слушать разговор Рейна с Родомиром, по ходу дела обдумывая сложившееся положение...

– Кстати, а кто такая эта Белая Невеста? – поинтересовался Рейн о мельком проскользнувшем прозвище, поглядывая больше по сторонам, нежели на собеседника. Знахарь только вздохнул, но поговорить с путником, видимо, все-таки хотелось, посему знахарь откашлялся, машинальным жестом пригладил короткую русую бороду и начал свой рассказ:

– Белой Невестой прозвали нежить, что обретается в здешних местах. Она совсем недавно объявилась и, к сожалению, раньше была человеком. – Родомир вздохнул и продолжил: – Одна девушка из нашей деревни вышла замуж за пришлого. Никто не знал, кто он такой и откуда пришел, – просто как-то объявился у околицы и испросил разрешения у старосты поселиться в Луговени. Ну, тот присмотрелся к незнакомцу – вроде бы мужик справный, по виду – человек, днем все-таки пришел, не ночью, да и дал добро. А тот вскоре положил глаз на девушку-сиротку. Одна та жила, бедно, но сама ладная была, веселая. Отыграли они свадьбу, а поутру ко мне прибежала соседка с криками, что Марьяна-то бездыханной в горнице лежит, а мужа ее и след простыл.

– Мексиканский сериал с трагическим концом, – буркнула я, но Рейн предостерегающе сжал мою ладонь. Ладно, поняла, не буду перебивать человека. После перехода уже как-

то неправильно скептически относиться к подобным «деревенским рассказням», которые здесь могут оказаться чистой правдой. Родомир только чуть осуждающе покосился в мою сторону, но продолжил рассказ, видимо придя к выводу, что надо говорить с мужчиной, а меня можно игнорировать. Ну, до поры до времени... Может, оно и к лучшему, чем меньше на меня обращают внимания, тем больший сюрприз потом будет.

– Пропал муж ее, хадаром-заклинателем оказался, а девушка на третью ночь после смерти к соседям своим заявила уже нежитью. Поскреблась в окно, поплакала, да только глава семьи не растерялся – отворил оконце, да сыпанул заговоренной солью ей в лицо. Та так и взвыла и тотчас пропала. Теперь с заходом солнца в Луговени никто за порог и носа не кажет, пойти на корм Белой Невесте никто не хочет, а уж душу в ее объятиях потерять – тем более. И нет витязей у нас с клинками серебряными, чтобы нежить упокоить. – Тягостно вздохнул знахарь, незаметно покосившись на рукоять меча Рейна, покоившегося в ножнах.

Не-е-е-ет, если Рейн вздумает в одиночку идти на нежить – я же его вот этим самым тап... сапогом прибью! Не дай бог – загрызут в первом же бою, что я потом его маме скажу, а? И пофиг мне, что он мужчина, – я его старше почти на три года, значит, автоматически несу за него ответственность! Хотя я признаю, что разница между восемнадцатью годами и двадцатью одним – не катастрофична, более того, Рейн в ряде

жизненных вопросов оказывается куда уж более сведущим и ответственным, но я ввиду своего воспитания считаю: если что, то спрос со старшего. Все. И никаких гвоздей.

И пусть сейчас я произвожу впечатление юной скромной девы, но влезть товарищу в авантюру с нежитью не дам. Да, иногда хорошо, что я выгляжу моложе Рейна, тому вообще меньше двадцати двух— двадцати трех лет на первый взгляд еще никто не дал, я же тяну лет на семнадцать максимум. Но быть взрослой я тоже умею. Настолько, что Рейн, как-то раз поймав один такой взгляд, честно признался: «Теперь я верю, что ты меня старше». Это я все к чему? А к тому, что скажем «нет» средневековому шовинизму, даешь равноправие полов!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.